

ДЕЛО ИСАЕВОЙ ПРОТИВ РОССИИ*(Жалоба №. 57950/00)*

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

24 февраля 2005

Данное решение станет окончательным при обстоятельствах, предусмотренных статьей 44 § 2 Конвенции. Оно может подлежать редактированию.

По делу Исаева против России,
Европейский по правам человека (бывшая первая секция)
на заседании Палаты, состоящей из:
К.Л. Розакис, председателя,
П. Лорензен,
Г. Бонелло,
Ф.Тулкенс,
Н. Вайич,
А. Ковлер,
В. Загребельский, судей
и С. Нильсен, секретаря секции,
после проведения закрытого обсуждения 14 октября 2004 г. и 27
января 2005 г., принял следующее решение:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело было инициировано заявлением (№. 57950/00), поданным российской гражданкой Зарой Адамовной Исаевой («Заявительница») против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека 27 апреля 2000 г. соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенции»).

2. Интересы Заявительницы в Европейском Суде представляли Кирилл Коротеев, юрист российской правозащитной организации «Мемориал» находящейся в Москве, и Вильям Боуринг, практикующий юрист из Лондона. Российское правительство («Правительство») было представлено П.А. Лаптевым, представителем Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявительница утверждает, что она стала жертвой прицельной бомбардировки российскими войсками ее родного села Катыр-Юрт, проведенной 4 февраля 2000 г. Вследствие бомбардировки были убиты ее сын и три племянницы. Она заявляет о нарушении статей 2 и 13 Конвенции.

4. Заявление было передано во вторую секцию Суда (правило 52 § 1 Регламента Суда). Где, в соответствии с правилом 26 § 1 было созвано заседание Палаты для рассмотрения данного дела (статья 27 § 1 Конвенции).

5. 1 ноября 2001 г. Суд изменил состав секций (правило 25 § 1). Данное дело было передано переформированной первой секции Суда (правило 52 § 1).

6. Своим решением от 19 декабря 2002 г. Суд признал жалобу Заявительницы приемлемой для рассмотрения по существу.

7. Заявительница и Правительство подали свои соображения по существу дела (правило 59 § 1).

8. Публичное слушание проходило в здании Прав человека, Страсбург, 14 октября 2004 г. (правило 59 § 3).

Перед судом предстали:

(a) *от Правительства*

П. ЛАПТЕВ, представитель Российской Федерации при
Европейском суде по правам человека, *представитель,*
Ю. БЕРЕСТНЕВ, *адвокат,*
А. САПРЫКИНА, *советник;*

(b) *от Заявителя*

Профессор Б. БОУРИНГ, *адвокат,*
П. ЛИЧ,
К. КОРОТЕЕВ, *советники.*

Суд заслушал обращения Лаптева, Боуринга, Лича и Коротеева.

Факты

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявительница родилась в 1954 г. и проживает в селении Катыр-Юрт, Ачхой-Мартановского района Чечни.

A. Факты

10. Фактические обстоятельства дела, касающиеся бомбардировки Катыр-Юрта и ее последующее расследование, были частично оспорены сторонами. Поэтому Суд попросил Правительство предоставить в полном объеме копии материалов уголовного дела о расследовании проведенной бомбардировки и возникших в результате нее жертв среди гражданского населения. Суд также попросил Заявительницу предоставить дополнительные доказательства в обоснование выдвинутых ею обвинений.

11. Изложенные сторонами фактические обстоятельства обстрела селения Катыр-Юрт представлены в разделах 1 и 2. Описание материалов, представленных сторонами в Суд, содержится в части В.

1. Нападение на Катыр-Юрт

12. Осенью 1999 г. российские федеральные войска начали проведение военной операции в Чечне. В декабре 1999 г. повстанцы («боевики») были блокированы наступающими федеральными войсками в Грозном, где развернулись ожесточенные боевые действия.

13. Заявительница утверждает, что в конце января 2000 г. федеральное военное командование запланировало и провело специальную операцию для того, чтобы выманить вооруженные группы боевиков из Грозного. По этому плану боевики должны были поверить, что из Грозного есть безопасный выход в направлении гор на юге республики. Боевики передали военным деньги за информацию о выходе и безопасном проходе. Поздно ночью 29 января 2000 г. боевики оставили осажденный город и направились на юг. Им позволили выйти из города. Однако, выйдя

за пределы города, они попали на минное поле, и на протяжении всего пути они подвергались обстрелам артиллерии и бомбежке со стороны авиации.

14. Относительно деталей операции Заявительница ссылается на опубликованные мемуары генерал-майора Виктора Барсукова и на интервью с генерал-майором Шамановым, которые командовали этой операцией (см. §§ 111-112).

15. Крупная группа чеченских боевиков – насчитывавшая от нескольких сотен до четырех тысяч человек – вошла в село Катыр-Юрт на рассвете 4 февраля 2000 г. Заявительница сообщает, что прихода боевиков в село никто не ожидал, и жители села не были предупреждены о возможных боевых действиях или путях безопасного ухода из села.

16. Заявительница проинформировала Суд, что население Катыр-Юрта в тот момент составляло около 25 000 человек, включая постоянных жителей и внутренне перемещенных лиц, (ВПЛ), из других районов Чечни. Она также сообщила, что их село было объявлено «безопасной зоной», что привлекало людей, которые бежали от боевых действий, проводившихся в других районах республики.

17. Заявительница сообщила, что бомбардировка началась неожиданно, рано утром 4 февраля 2000 г. Заявительница и ее семья спрятались в подвале своего дома. Когда около 15.00 бомбардировка прекратилась, Заявительница и ее семья выбрались наружу и увидели, что другие жители села упаковывают свои вещи и уходят, потому, что военные, очевидно, предоставили жителям села безопасный выход. Заявительница и ее семья вместе с соседями сели в микроавтобус «Газель» и поехали из села по дороге ведущей в город Орджоникидзе. Когда они уже были на дороге, самолеты появились вновь, снизились и начали бомбить машины на дороге. Это произошло около 15.30.

18. Сын Заявительницы, Зелимхан Исаев, (23 лет) был ранен осколком снаряда шрапнелью и умер в течение нескольких минут. Трое других пассажиров также были ранены. Во время той же атаки были убиты три племянницы Заявительницы: Зарема Батаева (15 лет), Хеда Батаева (13 лет) и Марем (или Марием) Батаева (6 лет). Заявительница также утверждает, что ее племянник, Заир Батаев, был также ранен в тот день, в результате чего стал инвалидом.

19. Заявительница сообщает, что бомбардировка была сплошной и прицельной, при этом военными использовалось для этого тяжелое вооружение, такое, как мощные авиабомбы и реактивные системы залпового огня. Заявительница сообщает, что во время обстрела в селе погибло более 150 человек, многие из которых были внутренне перемещенными лицами из других районов Чечни.

20. Позже, Заявительницу и членов ее семьи родственник отвез в г. Ачхой-Мартан. Они боялись вернуться в Катыр-Юрт, поэтому похоронили сына Заявительницы в Ачхой-Мартане.

21. Заявительница утверждает, что когда им позднее разрешили вернуться в свое село, она обнаружила свой дом разграбленным и разрушенным. Их автомобиль, оставленный в гараже, был сожжен.

22. Заявительница утверждает, что ни до, ни после бомбардировки жителям села не была предоставлена возможность безопасного выхода из села. Те, кому удалось под огнем выбраться из села и добраться до блокпоста, были задержаны на нем на некоторое время.

23. По данным Правительства, в начале февраля 2000 г. большая группа чеченских боевиков, возглавляемая полевым командиром Гелаевым, в количестве более 1000 человек, прорвалась на юг после выхода из Грозного. В ночь на 4 февраля 2000 г. они захватили Катыр-Юрт. Боевики были хорошо подготовлены и вооружены различным крупнокалиберным оружием, гранатометами и минометами, снайперскими винтовками и броневидами. К тому времени часть населения Катыр-Юрта уже оставила село, а остальные прятались в своих домах. Боевики захватили в селе каменные и кирпичные здания и превратили их в укрепленные оборонительные позиции. Боевики использовали население Катыр-Юрта в качестве живого щита.

24. Ранним утром 4 февраля 2000 г. подразделению спецназа МВД был отдан приказ войти в Катыр-Юрт. Поскольку была получена информация о присутствии боевиков в селе, подразделение вошло в село. После, того, как военные прошли второй ряд домов, боевики открыли по ним интенсивный огонь из всех видов оружия. Подразделение военных понесло потери, и было вынуждено вернуться на исходные позиции.

25. Федеральные войска предложили боевикам сдаться, но они отказались. Жителям Катыр-Юрта было предложено

воспользоваться безопасным выходом из села. Для того, чтобы передать информацию о безопасных путях выхода, военное командование связалось с сельской администрацией. Оно также использовало передвижную вещательную установку, которая вошла в село, и вертолет Ми-8, оснащенный громкоговорителями. Для обеспечения порядка среди гражданского населения, покидающего село, на выездах из села были установлены два блокпоста. Однако, боевики не позволили многим жителям уйти из села.

26. Когда жители ушли, федеральные войска вызвали авиацию и артиллерию для нанесения удара по селу. Определение целей осуществлялось на основе поступавшей разведывательной информации. Военная операция продолжалась до 6 февраля 2000 г. Правительство сообщило, что некоторые жители остались в Катыр-Юрте, поскольку боевики не позволили им уйти. Это привело к значительным потерям среди гражданского населения – погибло 46 гражданских лиц, включая Зелимхана Исаева, Зарему Батаеву, Хеду Батаеву и Марем Батаеву, и еще 53 человека были ранены.

27. В соответствии с комментариями Правительства относительно допустимости жалобы, во время наступления на Катыр-Юрт 53 федеральных военнослужащих были убиты и более 200 ранены. Правительство также сообщило, что в результате данной военной операции было убито более 180 боевиков, и более 240 было ранено. Правительство не предоставило в своих комментариях к вопросу о существовании дела никакой информации о потерях личного состава, как со стороны федеральных войск, так и со стороны боевиков. Материалы уголовного дела, рассмотренные Судом, также не содержат никакой информации о потерях, понесенных федеральными войсками или боевиками в результате проведенной операции.

28. О событиях начала февраля 2000 г. сообщалось в российской и зарубежной прессе, а также в отчетах общественных организаций. В некоторых из указанных отчетов говорится о серьезных жертвах, имевших место среди местного населения Катыр-Юрта и других сел во время военной операции в конце января – начале февраля 2000 г.

2. Расследование нападения

29. 5 апреля 2000 г. Ачхой-Мартанский ЗАГС, Чечня, выдал свидетельство о смерти № 273, подтверждающее смерть Зелимхана Исаева, 23 лет, которая наступила 4 февраля 2000 г. в Ачхой-Мартане от многочисленных шрапнельных ранений в грудь и область сердца. 12 апреля 2000 г. ЗАГС выдал следующие свидетельства о смерти: № 312 на имя Заремы Батаевой, которая умерла 4 февраля 2000 г. в Ачхой-Мартане от шрапнельных ранений в туловище, лицо и правое бедро; № 314, на имя Хеды Батаевой, которая умерла 4 февраля 2000 г. в Ачхой-Мартане от многочисленных шрапнельных ранений в голову и туловище.

30. 24 августа 2002 г. военный прокурор воинской части № 20102 ответил на запрос общества «Мемориал» относительно уголовного расследования. В письме сообщается, что прокурорское расследование было проведено после публикации 21 февраля 2000 г. в «Новой Газете» статьи «167 гражданских лиц погибли в чеченском селе Катыр-Юрт». Проведенное расследование показало, что с 3 по 7 февраля 2000 г. специальная военная операция, направленная на уничтожение незаконных вооруженных формирований, была проведена в Катыр-Юрте. Западное командование сухопутных войск и сил МВД осуществило операцию в соответствии с заранее подготовленным планом: село было блокировано, а гражданским жителям дали возможность покинуть село через созданный коридор безопасности. Командование помогло жителям оставить село и вывезти принадлежащее им имущество. После того, как командование убедилось в том, что гражданские лица покинули село, по нему был нанесен ракетный удар. Для уничтожения боевиков применялись и другие средства. В результате операции никто из гражданских лиц не пострадал, что подтвердил комендант зоны безопасности Урус-Мартановского района². На основе вышеуказанного, 1 апреля 2000 г. прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела по факту гибели гражданских лиц за отсутствием состава преступления. В документах уголовного дела, представленных на рассмотрение Суда, не содержалось никаких ссылок на проведение указанных процессуальных действий.

31. Первоначально Правительство заявляло, что российские правоохранительные органы не знали о событиях, описанных Суду Заявительницей, до сообщения о подаче жалобы в июне 2000 г.

После этого сообщения, прокуратура Ачхой-Мартановского района Чечни было проведена проверка поступившей жалобы, в результате чего 14 сентября 2000 г. было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления предусмотренного статьей 105 (2) (а) и (е) Уголовного Кодекса Российской Федерации, то есть, убийство двух или более лиц совершенное общеопасным способом.

32. В своих дальнейших заявлениях Правительство проинформировало Суд о том, что 16 сентября 2000 г. прокуратура Катыр-Юрта, действуя на основании жалоб граждан, возбудила уголовное дело № 14/00/0003-01 для расследования гибели нескольких лиц в результате нанесения ракетного удара поблизости от села. Дело касалось нанесения 4 февраля 2000 г. удара по микроавтобусу «Газель», в результате которого погибло трое гражданских лиц, и двое других было ранено. В декабре 2000 г. расследование уголовного дела было передано в военную прокуратуру в/ч 20102. Позднее, в 2001 г. данное дело было передано для расследования военному прокурору Северокавказского Военного Округа в г. Ростове-на-Дону.

33. Проведенное прокуратурой расследование подтвердило факт бомбардировки села и нападения на микроавтобус «Газель», приведшего к гибели сына и трех племянниц Заявительницы, а также к ранениям ее родственников. Были установлены и допрошены несколько десятков свидетелей и других жертв удара по селу. Следствие выявило 46 погибших и 53 раненых гражданских лиц. В связи с этим, несколько десятков лиц были признаны потерпевшими, а также гражданскими истцами. Следователи также допросили военнослужащих разного ранга, включая офицеров, командовавших проведением операции, о деталях операции и использовании боевых вооружений. Военнослужащие, которые были допрошены в качестве свидетелей, давали показания относительно деталей планирования и проведения операции. Против них не было выдвинуто никаких обвинений (см., часть В, в которой находится описание документов, содержащихся в материалах уголовного дела).

34. Следствие также проверило, не принадлежали ли жертвы к боевикам и не были ли замешаны в их убийстве члены незаконных вооруженных формирований.

35. 13 марта 2002 г. следствие было прекращено за отсутствием состава преступления. В тот же день, ведущий уголовное расследование военный прокурор проинформировал главу правительства Чечни о прекращении предварительного следствия, приложил список жертв (включая Заявительницу) и попросил Правительство найти Заявительницу и других жертв и сообщить им о прекращении расследования и возможности обжалования принятого решения. В списке были указаны только имена жертв, никакой другой информации, необходимой для установления их личности или местонахождения, не содержалось. В письме также указывалось, что жертвы могут обратиться за восстановлением нарушенных прав отдельно в порядке гражданского судопроизводства.

36. 12 декабря 2002 г. генерал-майор Яков Недобитко, командовавший операцией в Катыр-Юрте, обжаловал решение от 13 марта 2002 г. Он обжаловал причины прекращения расследования. 6 марта 2003 г. Батайский гарнизонный военный суд отклонил его апелляцию и утвердил решение от 13 марта 2002 г.

В. Документы, представленные сторонами в Суд

37. Стороны подали большое количество документов касательно расследования нападения. Ниже перечислены самые важные документы:

1. Документы из материалов уголовного дела

38. Правительство предоставило копию уголовного дела № 14/00/004-01, в количестве 6 томов. На основе поданных документов можно сделать вывод о том, что в 2001 году следствие приложило значительные усилия для того, чтобы собрать доказательства и улики об имевшем место нападении и которое является предметом жалобы Заявительницы. Заявительница и ее родственники были допрошены и были признаны потерпевшими в рамках уголовного дела. Следователи допросили несколько десятков местных жителей и признали потерпевшими более 62 человек. Гражданских и военных свидетелей попросили указать на карте Катыр-Юрта места, на которые они ссылались при даче

показаний. Значительную информацию удалось получить от военнослужащих, занятых в планировании и проведении операции. Следователи допросили как командующих операцией, так и военнослужащих более низкого ранга.

39. Ряд документов, полученных от военных, наряду с показаниями некоторых военнослужащих не были предоставлены в распоряжение Суда. Из 89 документов второго тома 49 не были предоставлены. Из 105 документов пятого тома 56 не были предоставлены. Из 213 документов шестого тома 20 не были предоставлены. Правительство подготовило список документов, которые не разрешалось использовать в материалах уголовного дела, представленных в Суд, объяснив это соображениями национальной безопасности.

40. В представленных Правительством материалах уголовного дела содержались следующие основные документы:

а) Возбуждение уголовного дела

41. 16 сентября 2000 г. следователь прокуратуры Ачхой-Мартановского района возбудил уголовное дело по факту убийства родственников Заявительницы. 23 ноября 2000 г. уголовное дело было передано для проведения расследования в воинскую часть № 20102. 15 декабря 2000 г. военный следователь принял дело к производству, а 6 января 2001 г. он принял решение о прекращении расследования на основании отсутствия состава преступления в действиях военных летчиков. 30 января 2001 г. это решение было аннулировано военным прокурором в/ч 20102. 19 февраля 2001 г. дело было принято к производству следователем Северокавказской военной прокуратуры в Ростове-на-Дону, который и проводил дальнейшее расследование.

б) Допрос Заявительницы и ее родственников

42. В октябре и ноябре 2000 г. следователи Ачхой-Мартановской районной прокуратуры допросили заявительницу, ее мужа и нескольких других пассажиров микроавтобуса «Газель». Заявительница, допрошенная 15 ноября 2000 г., дала показания, что 4 февраля 2000 г. село с раннего утра подвергалось атакам федеральной авиации. Днем Заявительница и ее семья узнали о «гуманитарном коридоре», который будет открыт для

гражданского населения. Около 16.00 она ушла из дома, расположенного по адресу Октябрьская улица, 15 со своим сыном Зелимханом и дочерью Лейлой. Они сели в микроавтобус «Газель», которым управлял его владелец, их родственник Джабраил Битиев. В автобусе находилось около 28 человек, включая сестру ее мужа Петимат Батаеву и трех ее дочерей: Зарему (1984 г.р.), Хеду (1987 г.р.) и Марем (1993 г.р.). Заявительница вспоминает, что автобус ехал по улице в направлении Ачхой-Мартана. Когда, на выезде из села, они приближались к блокпосту, рядом взорвалась авиабомба. Взрыв оглушил Заявительницу, и ударная волна выбросила большинство пассажиров из автобуса, но она осталась внутри. Все окна «Газели» вылетели, а задние и боковые двери были оторваны. Заявительница не очень хорошо помнит последующие события. Помнит только, что ее отвезли на том же автобусе в больницу в Ачхой-Мартане, где она узнала, что ее сын Зелимхан Исаев, Хеда Батаева и Марем Батаева погибли на месте. Зарема Батаева умерла в больнице Ачхой-Мартана на следующее утро. Несколько других пассажиров «Газели» были ранены. 2 октября 2000 г. Заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу.

43. На дополнительном допросе, проведенном 3 марта 2001 г., следователем Северокавказской военной прокуратуры, Заявительница указала на то, что в микроавтобусе было 26 взрослых и два младенца. Она показала, как пассажиры разместились в автобусе. Она также показала, что взрыв произошел тогда, когда автобус ехал по улице Орджоникидзе в направлении выезда из села, на расстоянии около 500 метров от блокпоста. Заявительница сообщила, что она смотрела вверх через верхний люк автобуса и увидела два самолета, которые сбросили бомбы на парашютах. Заявительница назвала их «осветительными бомбами». Она не могла определить точное место взрыва. Она описала раны своего сына и указала их месторасположение на схематическом изображении тела. Следователи забрали свитер, который был одет на ее сыне в день нападения.

44. Муж Заявительницы, который ехал в другом автомобиле, подтвердил во время допроса, что его жена и дочь были ранены вследствие взрыва рядом с микроавтобусом, и что его сын Зелимхан был убит. Они вернулись в Катыр-Юрт только через три месяца и обнаружили, что их дом был разрушен, а все имущество

и хозяйственный инвентарь исчезли. Автомобиль их сына, Рено-19, был найден сожженным в гараже. 20 февраля 2000 г. администрация Катыр-Юрта выдала заявительнице справку о том, что их дом по ул. Октябрьской был разрушен и не подлежит восстановлению.

45. Другие пассажиры микроавтобуса также давали показания об обстоятельствах нападения. Зура Б. показала, что 4 февраля 2000 г. около 9 часов утра она видела над селом военные самолеты и слышала взрывы около мечети. Она побежала в подвал соседей, в котором уже прятались люди. Около 15 часов ее племянник Зелимхан Исаев вбежал в дом и сказал, что военные открыли коридор для жителей села и много машин уже стоят в очереди на выезд в направлении Ачхой-Мартана вдоль улицы Орджоникидзе. Около 15.30 она, вместе с другими, забралась в микроавтобус, стоящий во дворе дома по ул. Октябрьской, 15. Когда машина ехала по улице Мельничной, она видела бомбы на парашютах, которые сбросили самолеты. Взрыв произошел неподалеку от автобуса, и ее выбросило из машины. Сначала она потеряла сознание, а когда пришла в себя, она зашла в соседний дом. Родственник принес туда окровавленного Зелимхана. Затем произошел еще один взрыв, и они решили уехать с автобусом. Выйдя на дорогу, они обнаружили Зарему Батаеву, которая была ранена, и пока еще была жива. Тогда им не удалось обнаружить Хеду и Марем Батаевых, чьи тела были опознаны позже. Зура Б. была принята в Ачхой-Мартановскую больницу с легкими осколочными ранениями. Утром 5 февраля 2000 г. Зарема Батаева умерла в больнице. Заур Батаев также попал в эту больницу с ранением брюшной полости. Четыре других пассажира получили осколочные ранения и ожоги. На следующий день, в мечети, они увидели погибших и опознали тела Хеды и Марем Батаевых по остаткам одежды. Их тела были настолько обезображены ожогами и ранениями, что их не стали показывать родителям. На вопрос, видела ли она боевиков, она ответила, что около 14. 00, 4 февраля, когда она перебежала из одного подвала в другой, она видела в саду на ул. Первомайской группу из 8-10 вооруженных бородатых мужчин с головными повязками.

46. Ахмади И. показал, что в момент, когда микроавтобус ехал по ул. Мельничной, приближаясь к перекрестку с ул. Орджоникидзе, он увидел огненный шар, который летел к

автобусу с неба. В этот момент водитель Джабраил Битиев затормозил, потому, что следовавший сзади автомобиль начал сигналить, и открыл дверь, чтобы посмотреть, что происходит. Ахмади закричал, чтобы он продолжал движение, но в это мгновение раздался три взрыва. Он не мог сказать, с какой стороны автобуса они произошли. Выйдя из автобуса, он увидел Зелимхана Исаева, лежащего на земле и занес его в ближайший дом. Когда они доставили его в Ачхой-Мартановскую больницу, врач осмотрел его и сообщил, что он умер.

47. Яхита Б. свидетельствует, что нападение на село началось около 8 часов утра 4 февраля 2000 г. Она спряталась в подвале соседей, потому, что их собственный не был достаточно прочным. В подвале были только женщины и дети, мужчины оставались снаружи. Около 14.00 бомбардировка прекратилась, и они перебежали в другой подвал, поскольку в стенах их убежища появились трещины. Бомбардировка возобновилась. Затем дверь открылась, и Зелимхан Исаев сказал им, что нужно выходить и быстро уезжать, потому что военные открыли «гуманитарный коридор». Она вспомнила обстоятельства нападения и также то, что было два взрыва с интервалом в три-четыре минуты.

48. Эльза И., племянница заявительницы, показала, что ранним утром 4 февраля 2000 г. она выглянула на улицу и увидела многочисленную группу вооруженных мужчин. Ее семья пряталась в подвале. Около 15.00 пришел ее двоюродный брат Зелимхан и сказал, что нужно уходить, потому, что военные предоставили коридор для выхода в Ачхой-Мартан. Они сели в переполненный людьми микроавтобус «Газель». Она сидела в середине автобуса. После первого взрыва она убежала с братом в направлении блокпоста и уже не возвращалась к автобусу. Она подтвердила смерть Зелимхана Исаева. Ее брат Мурат, которого также допросили, подтвердил ее показания.

с) Осмотр места происшествия

49. В марте 2001 г. следователи вместе с одним из пассажиров микроавтобуса «Газель» провели осмотр места взрыва и сделали фотоснимки. Место было определено, как улица Мельничная, примерно в 150 метрах от пересечения с улицей Орджоникидзе.

d) Заявление главы сельской администрации

50. 10 октября 2000 г. следователь Ачхой-Мартановской районной прокуратуры допросил главу администрации Катыр-Юрта. Он сообщил, что утром 4 февраля 2000 г. большая группа боевиков в количестве нескольких сотен человек вошла в село. Старейшины попросили их уйти, чтобы не создавать угрозу селу, но они продолжали укреплять свои оборонительные позиции. Около 11 часов утра 4 февраля федеральная авиация начала бомбардировку села. Удары наносились до 7 февраля 2000 г. В результате этого погибло много гражданских жителей и боевиков.

e) Установление личности и допрос других пострадавших

51. Следователи допросили более 50 местных жителей, которые дали показания о том, как боевики вошли в село, как местные жители прятались от бомбежки в подвалах, об обстоятельствах нападения, гибели и ранениях членов их семей и разрушении домов. Следователи также собрали копии документов удостоверяющих личности свидетелей, медицинских документов и свидетельств о смерти, 62 человека были признаны потерпевшими по уголовному делу.

52. Тамара Д. показала, что 4 февраля 2000 г. она вместе со своими четырьмя детьми пряталась от бомб в подвале. Утром она вышла из подвала и увидела возле школы, на расстоянии около 300 метров от ее дома, вертолет. Она услышала, что по громкоговорителю что-то объявляют, но не могла разобрать что, поскольку он находился слишком далеко, а вокруг гремели взрывы. Около 16.30 сосед прибежал к ней в подвал и сказал, что женщинам и детям разрешат покинуть село. Она схватила младших детей и побежала в направлении Ачхой-Мартана. Когда она приблизилась к улице Орджоникидзе, она увидела самолеты и затем услышала взрыв. Ее старший сын, который отстал на 50 метров, был убит осколком снаряда.

53. Алха Д., который проживал в центре села недалеко от мечети, сообщил, что в 6 часов утра 4 февраля 2000 г. он проснулся от стука в ворота. Он вышел во двор и увидел, что улица была заполнена вооруженными людьми. Группа вошла в дом, и у него не было возможности им воспрепятствовать. Боевики

сказали ему, что они принадлежат к группам, возглавляемым полевыми командирами Гелиевым и Абу Мовсаевым. Они также сказали ему, что их около 4000 и что они пришли из Шаами-Юрта по речному руслу. Они сказали, что задержатся в Катыр-Юрте на один день, а потом пойдут дальше. Когда начался налет авиации, они спрятались в подвале дома свидетеля вместе с 12 его родственниками. Налеты продолжались весь день. Утром следующего дня к дому соседей подъехал грузовик, в который сели все жители, за исключением брата свидетеля, которому не хватило места. Когда их автомобиль выезжал из села, они видели очень много людей, стоящих перед ними у блокпоста. Г-н Дувидел, как в примерно трехстах метрах приземлился вертолет, из которого вышли офицеры в камуфляже. Позже ему сказали, что это был генерал Шаманов, который наказал своих подчиненных за то, что они разрешили жителям покинуть село. Он нашел тело своего брата со следами шрапнельных ранений после того, как им разрешили вернуться в село.

54. Ейса Т. показала, что, начиная со 2 февраля, военные окружили село и разрешали входить в него, но не разрешали выходить. Блокпост расположенный на дороге в направлении Ачхой-Мартана, перегородил дорогу и был усилен БТРами. Он знал, что генерал Шаманов, который командовал операцией, прибыл в село 4 или 5 февраля на вертолете и, что он, очевидно, отдал приказ «никого не выпускать из села». Свидетель под огнем убежал из села после обеда 4 февраля. Его сын был ранен осколком снаряда и умер четырьмя днями позже в больнице в Ингушетии. Он подтверждает, что видел большие, около трех метров длиной, бомбы, которые сбрасывались на парашютах с самолетов.

55. Хаси В. сообщил, что 4 февраля 2000 г. окраину села, на которой они проживают, бомбили. Свидетель и его семья спрятались в подвале дома двоюродного брата. Это был большой подвал в новом доме. Там собралось около 100 человек. Около полудня бомба пробил потолок и взорвалась, убив девять человек и ранив некоторых 'others' остальных. Среди убитых оказался брат свидетеля. Они перешли в другой подвал и оставались в нем до 5 февраля. В этот день они пешком отправились в Ачхой-Мартан. Проходя мимо здания школы на окраине села, свидетель увидел генерала Шаманова, который прибыл на вертолете и отдал приказ

никого не выпускать. Однако войска МВД не перекрыли дорогу. Несколько других свидетелей, которые тоже прятались в том же большом подвале расположенном на улице Чкалова, 4, подтвердили его слова относительно бомбардировки и гибели девяти людей.

56. Сулейман Д. сообщил, что рано утром 4 февраля 2000 г. он услышал шум на улице. Выглянув, он увидел множество вооруженных боевиков, которые шли по улице. Около 9 часов утра началась бомбежка, и эта часть села, которая находится близко к центру, подверглась сильному обстрелу. Свидетель и его семья спрятались в подвале, а отец остался наверху присматривать за скотом. Около 9.30 утра во дворе дома взорвалась бомба с парашютом. После нее осталась воронка около четырех метров диаметром. Его отец, который находился в хлеву, был убит осколком снаряда. Село целый день подвергалось авиационному, вертолетному, танковому и минометному обстрелам. Свидетель также, по звуку, опознал реактивные системы залпового огня «Град»¹. 5 февраля свидетель и его семья отправились в Ачхой-Мартан. Он увидел вертолет, приземлившийся возле школы № 2 на окраине села и услышал, как генерал Шаманов говорил, что они сами виноваты, и что никакого коридора не должно быть. Он вернулся в село 8 февраля и похоронил отца на сельском кладбище.

57. Тумиша А. заявила, что рано утром 4 февраля она вышла из дома за водой и увидела в центре села вооруженных людей. Они были одеты в камуфляж и военную форму, а мужчины носили бороды. Там было и несколько женщин. Они спросили у нее, как называется село. На вопрос, зачем они пришли, она получила ответ, что они уйдут, но не раньше заката. Они выглядели усталыми и у них были мокрые ноги. В доме свидетельницы проживало около 15 внутренне перемещенных лиц. Когда начался налет, они спрятались в подвале. Налет продолжался весь день без перерыва. Около 16 часов они решили уехать и поехали по дороге в сторону Ачхой-Мартана. Они ничего не знали о гуманитарном коридоре. Когда они приближались к окраине села, ракета, выпущенная с самолета, попала в «Волгу», которая ехала перед ними и убила шестерых людей находящихся в машине – внутренне

¹ Град – 122 мм (320 ракетная) передвижная установка ракетного залпового огня с 40 залповыми трубами

перемещенных лиц из Закан-Юрта, которые перед этим ночевали в ее доме. Их имен она не знала. Свидетелю удалось добраться до Ачхой-Мартана в тот же день. Вернувшись в Катыр-Юрт 8 февраля 2000 г., она обнаружила, что в подвал их дома попала ракета и убила ее мужа, находившегося там в этот момент.

58. Маруса А. сообщила, что 4 февраля 2000 г. она находилась в подвале со своими соседями. Около часу ночи 5 февраля ее сын отправился наверх принести каких-нибудь продуктов из дома. В это время во дворе произошло несколько взрывов, а утром они нашли тело ее сына с многочисленными осколочными ранениями. 5 февраля они отправились к выходу из села в направлении села Валерик, но им не разрешили пройти мимо блокпоста. Обстрел был слишком интенсивный, и они не могли вернуться домой, поэтому они остались в подвале дома на окраине Катыр-Юрта на три дня. Она ничего не знала о наличии гуманитарного коридора.

59. Роза Д дала показания, что их дом на окраине села бомбили утром 4 февраля 2000 г. Первый взрыв произошел в ее дворе, в результате чего был ранен ее двухлетний сын, который умер от ран рано утром 6 февраля. Она оставалась в подвале до 6 февраля, пока вместе с несколькими другими людьми не попыталась уйти в направлении села Валерик. Однако дорога была перекрыта, и солдаты сказали им, что генерал Шаманов приказал никого не выпускать из села. Они остались в подвале недостроенного дома на окраине села возле выезда в направлении с. Валерик еще на один день, а 8 февраля она вернулась домой.

60. Махмуд С. сообщил, что 5 февраля 2000 г. он разговаривал с четырьмя боевиками. Он спросил их, как им удалось проникнуть в село, окруженное военными со всех сторон. Они ответили, что вошли без проблем и планируют уйти. Он не видел убитых боевиков и предположил, что им удалось уйти в горы.

61. Елизавета Т. свидетельствует, что ее дом был на южной окраине Катыр-Юрта. 4 февраля 2000 г. неожиданно началась бомбежка. Она спряталась в подвале вместе с семьей. На следующий день около 9 утра группа солдат федеральных сил, одетых в зеленый камуфляж, вошла в их двор. Они проверили документы членов семьи и ушли. Потом пришли другие военные, одетые в серый камуфляж и черные береты. Они тоже проверили документы членов семьи. Солдаты вывели всю семью к дому на окраине села, где стояли танки. В этом доме уже находилось шесть

семей. Они удерживались там в течение пяти дней, потом военные ушли и люди вернулись домой. Свидетель заявляет, что их удерживали в качестве заложников, и военные угрожали застрелить двух ее племянников.

62. Все опрошенные жители отклонили просьбу об эксгумации тел своих родственников. Они также заявили, что ни они, ни их родственники не имеют ничего общего с боевиками.

f) Медицинские документы

63. Следствие запросило информацию из больницы Ачхой-Мартана о раненых, которые поступили 4 февраля 2000 г. и в течение ряда последующих дней. В ноябре 2000 г. больница подтвердила, что 4 февраля 2000 г. три пассажира микроавтобуса «Газель» поступили в больницу с осколочными ранениями. Никаких детальных записей в этот период не велось из-за массового поступления пациентов. Медсестра этой больницы, допрошенная 23 ноября 2000 г., заявила, что 4 февраля 2000 г. в больницу поступило много раненых, большинство из них были с осколочными ранениями. Раненые говорили ей, что они из Катыр-Юрта и, что они пострадали в результате налета с использованием авиационных бомб. Раненых было так много, что у персонала больницы было не возможности вести соответствующие медицинские записи.

64. Руководство больницы также предоставило следователям копии медицинских свидетельств о смерти, выданных жителям Катыр-Юрта, пострадавшим в результате налета.

65. В феврале 2002 года военная судебно-медицинская лаборатория, по запросу следователя, подготовила восемь заключений на основе медицинских карточек Ачхой-Мартановской районной больницы. В отчетах говорилось, что ранения – осколочные ранения и контузии – могли быть получены при обстоятельствах, описанных потерпевшими, то есть, во время налета на село.

g) Заявление генерал-майора Шаманова

66. 8 октября 2001 г. следствие допросило генерал-майора Шаманова, который в то время, и возглавлял оперативный центр (ОЦ) Западной группировки войск в Чечне, в которую входил

Ачхой-Мартановский район. Он заявил, что его основной целью является восстановление конституционного порядка в западных районах Чечни с помощью разоружения незаконных вооруженных формирований, а в случае их сопротивления – их ликвидации, то есть проведения военного этапа антитеррористической операции. В его оперативном подчинении находились подразделения Министерства обороны, МВД, Министерства Юстиции и Федеральной Службы Безопасности. ОЦ отдавал оперативные приказы. Специальная операция по освобождению Катыр-Юрта была частью более широкой операции, приказ на проведение которой был отдан ОЦ в последние десять дней января 2000 г.

67. В феврале 2000 г. положение в зоне, находившейся под его контролем, было очень сложным. Большие группы бандитов ушли из Грозного и прорывались на юг. По пути они захватывали села и оказывали яростное сопротивление федеральным войскам. Среди боевиков было много наемников, включая арабов и африканцев.

68. В январе-феврале 2000 г. федеральные войска проводили проверки в селах Западной зоны, включая Алхан-Калу, Шаами-Юрт и другие. Командование предупредило глав местных администраций о необходимости информировать федеральные силы о появлении боевиков и необходимости предотвращать их вход в села. Такая информация была передана главе Катыр-Юрской администрации, который лично заверил военного коменданта Ачхой-Мартановского района в том, что в селе нет боевиков. Однако разведывательная информация указывала на то, что группы под командованием Гелаева в количестве 500-600 человек просачивались в село. Для предотвращения их концентрации в селе, Катыр-Юрт был блокирован дивизией войск МВД под командованием генерал-майора Недобитко и другими подразделениями. Недобитко получил приказ провести специальную операцию – проверку документов – в Катыр-Юрте и найти и обезоружить членов незаконных вооруженных формирований. Глава администрации был проинформирован о том, что будет проводиться специальная операция, но он попросил отложить ее, и она была отложена на один день.

69. Утром того дня, когда должна была начаться операция (Шаманов не может вспомнить точную дату), боевики атаковали федеральные силы. Они были хорошо оснащены и вооружены автоматическим оружием, гранатометами и огнеметами и

использовали грузовики, защищенные листами металла. Он заявил:

«Понимая, что проверку документов в селе произвести обычными средствами без тяжелых потерь со стороны личного состава невозможно, Недобитко, совершенно правильно с военной точки зрения, решил задействовать армейскую и штурмовую авиацию, артиллерию и минометы против укрепленных позиций боевиков в селе. Отказ от применения таких жестких и решительных мер против боевиков привел бы к неоправданно большим потерям федеральных сил при проведении специальной операции и невозможности выполнения оперативного задания в данной ситуации. Все это показало бы неспособность федеральных властей, поставило бы под сомнение выполнение антитеррористической операции и восстановление конституционного порядка в Чечне. Невыполнение этих задач поставило бы под угрозу безопасность Российской Федерации. Кроме того, наша нерешительность привлекла бы новых сторонников к незаконным вооруженным формированиям, из числа тех, которые пока еще не решились на этот шаг и заняли выжидательную позицию. Это продлило бы антитеррористическую операцию на неопределенное время и привело бы к дальнейшим потерям среди федеральных сил и еще большим потерям среди гражданского населения.»

70. Он заявил, что огонь был направлен на позиции боевиков «на окраинах села и в его центре, возле мечети». Гражданскому населению разрешили оставить село. Боевикам предложили сдаться и гарантировали им личную безопасность, от чего они отказались. Таким образом, они использовали гражданское население в качестве живого щита, что привело к большим потерям среди гражданских лиц.

71. Он считает, что население Катыр-Юрта должно было предотвратить появление боевиков в селе. Если бы они это сделали, как это было в селе Шалажи, не было бы необходимости проводить такую «жесткую зачистку» и применять авиацию и артиллерию, что позволило бы избежать нежелательных потерь среди гражданского населения. Потери боевиков по его расчетам составили около 150 человек. Остальные ушли из села ночью под прикрытием густого тумана.

72. Его спросили о том, какие меры были приняты для обеспечения максимальной безопасности гражданского населения во время проведения операции в Катыр-Юрте. Шаманов ответил, что Недобитко использовал вертолет, оснащенный громкоговорителями, для информирования гражданского населения о безопасных путях выхода, которые он организовал.

73. Его также спросили, со ссылкой на показания местных жителей, давал ли он, прилетев на вертолете на блокпост возле Катыр-Юрта, приказ солдатам не выпускать гражданское население из села. Шаманов ответил, что таких приказов он не отдавал и что выход, фактически, был организован федеральными войсками под его командованием. Он заявил, что во время своего визита он ругал главу местной администрации за то, что тот допустил ухудшение ситуации до такого состояния, которое вызвало необходимость применения авиации и артиллерии. Этот диалог мог быть неправильно интерпретирован присутствовавшими лицами.

h) Заявление генерал-майора Недобитко

74. 26 октября 2001 г. следователь допросил генерал-майора Якова Недобитко, который возглавлял операцию в Катыр-Юрте. Он заявил, что в то время он командовал дивизией войск МВД, принадлежавшей Западной группировке войск под командованием генерал-майора Владимира Шаманов. Ситуация в зоне их ответственности в начале февраля 2000 г. была очень сложной из-за того, что большие группы боевиков пытались прорваться из Грозного через равнину в направлении гор на юге Чечни. В конце января 2000 г. ОЦ Западной группировки отдал приказ уничтожить эти группы до того, как они объединятся со своими сторонниками в горах. Он заявил:

“Я узнал от Шаманова о том, что большая группа боевиков, которые ушли из Лермонтов-Юрта, вошли в Катыр-Юрт. Шаманов приказал мне провести спецоперацию в Катыр-Юрте с целью обнаружения и уничтожения боевиков.

Я подготовил план спецоперации, в котором определил подразделения, которые будут осуществлять блокаду и поиск, правила ведения огня в случае, если противник откроет огонь, местонахождение ... блокпостов... предполагалось установить два блокпоста – один на выезде в направлении Ачхой-Мартана, другой

– Валерика... Применение авиации предполагалось в случае ухудшения обстановки. Действия артиллерии планировались... заранее с целью нанесения ударов по возможным путям отхода бандитских группировок и прибытия подкреплений на помощь осажденным группам. Артиллерия должна была применяться только в случае обстрела противником поисковых групп.

Этот план был подготовлен за ночь до операции. Вечером того же дня Шаманов вызвал меня в штаб командования Западной группировки для обсуждения деталей операции. Мы предвидели присутствие беженцев и боевиков и планировали проверку документов. Раним утром следующего дня, я возвращался на наши позиции с двумя БТРами. В восточной части села, в направлении Валерика, велась перестрелка. Грузовик «Урал» горел, на земле лежали три трупа и несколько раненых. Это были омовцы из Удмуртии. Нас тоже обстреляли со стороны села. Мы спешили и открыли ответный огонь. Потом, под прикрытием БТРов мы отправились к нашему командному пункту. Я немедленно сообщил Шаманову об ухудшении ситуации. Он разрешил мне проводить спецоперацию по моему плану.

Полковник Р., командир N полка, сообщил мне, что он встречался с главой администрации Катыр-Юрта, который заявил, что в селе нет боевиков, только небольшая «бродячая» группа, которая вступила в стычку с омовцами. Я не знал количества боевиков в селе, поэтому приказал проводить поиск заранее подготовленными группами спецназа МВД без артиллерийской или авиационной огневой поддержки. Если бы там было всего несколько боевиков, они были бы уничтожены поисковыми группами. Если бы их было больше, их можно было бы уничтожить танковыми точечными ударами. А если бы это была очень большая бандитская группировка, применения авиации и артиллерии не удалось бы избежать, поскольку потери личного состава были бы слишком большими.

Поисковые группы отправились... на них напали... и я приказал им отходить. Одна группа не смогла отступить... Понимая, что избежать применения авиации и артиллерии не удастся, я приказал полковнику Р. организовать эвакуацию гражданского населения из села, что он и сделал через главу сельской администрации. С этой целью полковник Р. использовал автомобиль с громкоговорителями, по которым местному населению на окраине

села было предложено покинуть село. Гражданское население покидало село через заранее установленные блокпосты.»

75. Затем генерал-майор Недобитко перешел к описанию деталей боя в течение первого и второго дня операции. В первый день армия использовала артиллерию, танки и минометы. Авианалет координировался офицером наведения, который находился на командном пункте и получал указания от генерала Недобитко, который полагался на информацию, полученную от спецназа МВД. Отвечая на вопрос, не мешали ли его войска гражданскому населению покидать село через восточные блокпосты, он сказал, что не мешали, но главный маршрут выхода пролегал через блокпост на западе, то есть, в сторону Ачхой-Мартана. На этом блокпосту военнослужащие ФСБ и МВД проверяли тех, кто покидал село, на предмет принадлежности к незаконным вооруженным формированиям.

76. Следователь спросил, что изменилось бы, если бы администрация села сообщила федеральным силам о том, что группа боевиков в селе очень большая. Генерал-майор ответил, что он разрешил бы гражданскому населению покинуть село через оба блокпоста, как это было в Шаами – Юрте. Но когда одна из его поисковых групп попала в засаду на территории села и понесла потери, он не мог их бросить на произвол судьбы и должен был сделать все возможное для их спасения. Избежать жертв среди гражданского населения было невозможно. Генерал Недобитко не знал о точном количестве потерь федеральных сил или боевиков, понесенных во время операции.

і) Показания военнослужащих наземных сил

77. 23 ноября следователи допросили полковника Р., который в рассматриваемое время командовал полком войск МВД, задействованным в операции. Он заявил, что в начале февраля 2000 г. его полк базировался за пределами Катыр-Юрта. Около 8 утра 4 февраля 2000 г. служащие удмуртского ОМОНа, дислоцировавшиеся в сельской школе, прибыли в его подразделение и сообщили о бое в Катыр Юрте. Они доставили с собой нескольких раненых и пояснили, что их машина, перевозившая личный состав для замены часовых на блокпосту, подверглась нападению со стороны боевиков в Катыр-Юрте, и что еще больше боевиков – предположительно более 1000, напали на

их базу в школе и вынудили их отойти. Полковник доложил об этом командиру дивизии генерал-майору Недобитко. Последний связался с главой сельской администрации, который признал, что около 1000 боевиков вошли в село с намерением остаться в нем на пару дней и уйти. Около 18 часов того же дня в Катыр-Юрт прибыли дополнительные воинские подразделения. В этот первый день никаких авиационных или артиллерийских ударов не наносилось. На второй день село было блокировано, и в него отравилась разведывательная группа, которая была атакована. Затем массово начали уходить гражданские жители. На одном из блокпостов была установлена машина с громкоговорителями, а информация о безопасном маршруте выхода была передана главе сельской администрации. Большинство людей покидало село в направлении Ачхой-Мартана. Полковник Р. также заявил что, по его мнению, администрация села могла или не допустить проникновения боевиков в село, или, по крайней мере, в самом начале известить военных об их появлении. Это позволило бы военным наносить более точные удары и избежать жертв среди гражданского населения.

78. 29 октября 2001 г. следствие допросило полковника С., командира подразделения войск МВД, непосредственно подчиненного генерал-майору Недобитко. Он показал, что незаконные вооруженные формирования под командованием полевых командиров Гелаева, Басаева, Хаттаба и других покинули Грозный 30 января 2000 г. 3 февраля 2000 г. он получил приказ от Недобитко на обыск села Катыр-Юрт на предмет наличия в нем боевиков, их разоружения, а в случае сопротивления, их уничтожения. Он также сообщил, что у него была информация о том, что группа в составе около 1500 боевиков должна была войти в Катыр-Юрт после ухода из Шаами-Юрта. Однако подразделение ОМОН, размещенное в Катыр-Юрте, опровергло эту информацию. Рано утром 4 февраля 2000 г. его подразделение вошло в село с юго-запада. Они встретили две гражданских семьи, которых они эвакуировали из их домов в тыл, после чего они никого из гражданских жителей больше не встречали. Около 7.20 утра одна из их групп подверглась нападению. Они немедленно доложили Недобитко, который в 8 часов утра приказал им отходить. Они захватили в плен одного боевика, который рассказал, что в селе находилось более 2 000 боевиков под командованием Гелаева,

Хаттаба и Басаева. В 9.00 утра прилетели истребители и начали бомбить село. Вскоре к ним присоединилась артиллерия. В тот день они не пытались войти в село. 5 февраля был тяжелый бой, а 6 февраля они провели «зачистку» не встретив никакого сопротивления. На вопрос о потерях полковник С. ответил, что его подразделение потеряло 7 человек убитыми и 15 ранеными. Он не мог оценить общие потери боевиков, но его подразделение нашло 80 трупов и его общая оценка количества боевиков, уничтоженных его подразделением – 386. Он сообщил, что не видел трупов гражданских лиц, все убитые были одеты в военную форму и камуфляж.

79. Было допрошено несколько военнослужащих удмуртского ОМОНа. Они подтвердили, что с декабря 1999г. по март 2000 г. их подразделение в составе около 30 военнослужащих было размещено в Катыр-Юрте и селе Валерик, расположенном в полутора километрах к юго-востоку от Катыр-Юрта. Они размещались в здании школы в Катыр-Юрте. Военнослужащий Н. считает, что население Катыр-Юрта на начало февраля 2000 г. составляло около 18 000 человек. Он заявил, что был на блокпосте в Валерике с утра 3 февраля 2000 г. Старший офицер милиции сообщил ему и его коллегам о том, что ожидается движение боевиков на юг из Грозного, и что они могут пройти через Валерик или Катыр-Юрт. Утром 4 февраля 2000 г. на блокпост не прибыла замена, потому, что боевики атаковали Катыр-Юрт и личный состав, который должен был заменить их, подвергся нападению.

80. Военнослужащий Г. из того же подразделения показал, что между 7 и 8 часами утра 4 февраля 2000 г. их машина была обстреляна по пути к блокпосту в Валерике, где они должны были сменить своих коллег. Трое военнослужащих были убиты и четверо ранены. Он немедленно доложил командованию о происшествии по рации. Через примерно полтора часа начался авиационный и артиллерийский налет. Он ничего не знал о мерах, предпринимаемых по информированию гражданского населения о безопасных путях выхода, но заявил, что это время – полтора часа – было им предоставлено для выхода. Он подтвердил прибытие генерал-майора Шаманова на позиции федеральных сил ранним утром 6 февраля 2000 г. Он не мешал гражданскому населению покидать село, наоборот, он приказал солдатам установить КПП на выходе из села и выпускать женщин, детей и стариков. По его

приказу ОМОН организовал «фильтрационный пункт», в котором проверяли молодых мужчин, покидающих село.

81. Полковник войск МВД из Ростова-на-Дону В. дал следующие показания о своем участии в операции в Катыр-Юрте. Он заявил, что в то время он проходил службу в Чечне. Он не помнит деталей операции, кроме того, что бой был яростный. Следователь зачитал ему выдержку из регистрационного журнала операции, в котором дежурный офицер зафиксировал рапорт полковника В., поданный в 12.15 4 февраля 2000 г., о том, что он видел людей с белым флагом в секторе, находившемся под его ответственностью. Полковник В. заявил, что его память пострадала в результате контузий и травм головы, и поэтому он ничего подобного не помнит.

82. 26 Ноября 2001 года следователи допросили подполковника З., который командовал подразделением ульяновского ОМОНа в Чечне. Он сообщил, что ночью 3 февраля 2000 г. они прибыли в Катыр-Юрт, а утром следующего дня, около 10.00, они вошли в село с юго-востока. Они были атакованы и отступили. После обеда село подверглось удару самолетов, вертолетов, артиллерии и минометов. Он что-то слышал о «гуманитарном коридоре» для гражданских лиц, но не участвовал в его организации. Его подразделение, находившееся в селе 4 февраля и позднее, не видело гражданских лиц, только боевиков.

83. Военнослужащий К. из ОМОНа в Ростове-на-Дону сообщил, что его подразделение находилось в Чечне с декабря 1999 г. по март 2000 г. В начале февраля 2000 г. подразделение было отправлено в Катыр-Юрт. Они вошли в село для проведения «зачистки» группой, состоявшей примерно из 40 человек из ОМОНа и войск МВД, но потом получили приказ спрятаться в укрытии, потому, что военными был запрошен огонь авиации и артиллерии. Они спрятались в доме на окраине села и находились там до вечера, потом отошли. На следующий день они вновь вошли в село. После того, как они проехали по селу примерно 150 метров, они увидели выходящих из домов гражданских лиц, это были престарелые мужчины и женщины. Он не видел детей или молодежи. Они до вечера проверяли дома на предмет присутствия боевиков или оружия, но он лично не видел боевиков, трупов или огнестрельного оружия. Другой служащий того же подразделения ОМОН подтвердил данные показания практически дословно.

84. Служащие спецназа Самарского подразделения войск МВД дали показания относительно их участия в Катыр-Юрской операции. Одно из двух свидетельств было рассекречено Правительством. Служащий Б. свидетельствует, что его подразделение находилось в Чечне в январе-марте 2000 г. Где-то в начале февраля они были дислоцированы в Катыр-Юрте. Их подразделение было атаковано у реки. Он думал, что гражданскому населению дали три дня на то, чтобы покинуть село. Со своих позиций они четко могли отличить гражданских лиц от боевиков, которые имели оружие и носили бороды.

85. Военнослужащий Т. сообщил, что в то время он возглавлял комендатуру Ачхой-Мартановского района. По окончании военной операции в Катыр-Юрте он организовал «зачистку» села и сбор тел боевиков. Ему не известно точное количество собранных тел, но он считает, что два-три боевика были взяты в плен живыми.

86. Были также допрошены служащие тульского ОМОНа. Из показаний четырех свидетелей только одно было предоставлено в Суд. Служащий Гр. показал, что их подразделение прибыло в Катыр-Юрт для проведения «зачистки» после окончания военного этапа операции. Они искали боевиков или их трупы. Он не видел гражданских лиц в селе, живых или мертвых. Он предполагает, что им разрешили покинуть село до начала обстрела. Он также сообщил, что через два дня после «зачистки» гражданское население начало возвращаться в село. Он видел один труп боевика. Трупы боевиков собирали два грузовика армейской комендатуры, оба они были переполнены. Он точно не знает, сколько трупов было собрано.

**ж) Показания военнослужащих авиационного,
вертолетного соединений и танкового батальона**

87. Пилоты армейской авиации были допрошены по поводу нападения на Катыр-Юрт. Правительство определило их как «пилот 1» и «пилот 2». Оба пилота заявили, что их подразделение принимало участие в бомбардировке Катыр-Юрта 4 февраля 2000 г. Вылет производился между 12.00 и 14.00 двумя самолетами Су-

25, вооруженными бомбами ФАБ-250¹. Они сбросили бомбы с высоты около 600 метров. Погода была довольно плохая, обычно в таких метеоусловиях они не летают, но в тот день наземные войска очень нуждались в поддержке. Наведение на цель осуществлял офицер группы координации, который находился на КП рядом с селом. Он указал цели и позднее сообщил им о том, что бомбометание прошло успешно. На вопрос видели ли они гражданских лиц или гражданские транспортные средства на улицах села, пилоты отвечали, что они либо ничего не видели из-за плохой видимости, вызванной низкой облачностью и дымом от горящих зданий, либо что они не видели ни гражданских лиц, ни гражданского транспорта.

88. Были допрошены два офицера наведения. Один из них, имени которого Правительство не раскрывает, показал, что он действовал в качестве ведущего оператора наведения истребителей. Его задача состояла в визуальном наведении самолетов на цели, определенные командованием операции. В день накануне операции в Катыр-Юрте, точную дату которого он не помнит, он прибыл на позицию между селами Валерик и Катыр-Юрт. Его оперативным начальником был генерал-майор Недобитко, который приказал ему находиться в готовности на случай необходимости вызова авиации. Свидетель не был знаком с деталями операции, но из разговоров он понял, что большая группа боевиков прорвалась из Грозного и захватила Катыр-Юрт. На следующий день, между 7 и 8 часами поступила информация о том, что три омоновца были убиты в стычке с боевиками. Примерно через 30 минут Недобитко приказал ему вызвать истребители, вооруженные бомбами, не указав тип бомб. По прибытии самолетов Недобитко указал первую цель – около 500 метров к западу от сельской мечети, которая была самым высоким зданием в селе и служила хорошим ориентиром. Пилотам сообщили о цели, и они подтвердили, что видят внизу вооруженных людей. Самолеты успешно сбросили все бомбы ФАБ-250. Они также использовали бомбы ФАБ-500², которые сбрасывались на парашютах, для того, чтобы дать самолету

¹ ФАБ-250 – большая авиабомба свободного падения большой взрывной силы, весом 250 кг.

² ФАБ-500 – это большая авиабомба свободного падения большой мощности, длиной 3 метра и весом 500 кг.

возможность выйти из зоны поражения. После того, как самолеты полностью израсходовали боезапас, Недобитко вызвал еще одну пару истребителей, которые прибыли через 20 минут с таким же боезапасом. На этот раз цель находилась в 300 метрах к югу от мечети. Офицер наведения получил информацию о целях от Недобитко, который получал постоянную оперативную информацию по рации. Около 14 часов самолеты улетели, потому что погода испортилась, а потом прибыли вертолеты войсковой авиации и МВД, которые свидетель не наводил.

89. На второй день генерал-майор Шаманов и генерал-майор Барсуков прибыли в Катыр-Юрт и вместе с Недобитко возглавили операцию. Погода была слишком плохой для использования истребительной авиации, но свидетель находился на КП на случай улучшения погодных условий. Село было обстреляно артиллерией, минометами и вертолетами. На третий день он был отправлен назад на свою базу.

90. На вопрос знал ли он о плане эвакуации гражданского населения, офицер наведения ответил, что в первый день его пребывания генерал Недобитко сказал, что первоначально он планировал дать боевикам шанс сдаться, или дать гражданским лицам возможность уйти, но после того, как силы ОМОНа были атакованы, он вызвал истребители.

91. Было допрошено несколько пилотов вертолетов. Они дали показания о своем участии в операции в Катыр-Юрте. Они применяли неуправляемые реактивные снаряды против целей, указанных им офицерами наведения в этом районе. Они не видели в селе гражданских лиц или транспортных средств, только боевиков, которые обстреливали их из пулеметов.

92. Следствие также допросило военнослужащих танкового батальона, который прибыл в Катыр-Юрт ночью 4 февраля 2000 г. Они показали, что были дислоцированы к югу от села с заданием воспрепятствовать прорыву боевиков в горы. Они произвели около 80 выстрелов из танковых орудий по селу по приказу оперативного штаба, а также в ответ на вражеский огонь. Они не входили в село во время или после боя, и ничего не слышали о гуманитарном коридоре.

к) Другие документы предоставленные в Суд военными

93. Следствие запросило и получило множество других документов от военных, большая часть которых не была предоставлена Суду. Они касались плана операции, оперативных приказов разного уровня командования, регистрационных журналов различных подразделений, принимавших участие в операции, списки личного состава этих подразделений, документов о потерях и так далее.

94. Военный аэродром предоставил информацию о том, что горизонтальный разброс осколков мощной авиабомбы ФАБ-250 составляет 1170 м.

л) Заключение военных экспертов

95. 26 ноября 2001 г. следователь запросил заключение экспертов из Общевойсковой военной академии в Москве. Экспертам, которые были ознакомлены со следственными материалами, задали 6 вопросов. Вопросы касались точности планирования и проведения операции, вида документов и приказов, которые должны готовиться и отдаваться, а также соответствия операции в Катыр-Юрте внутренним военным стандартам. Экспертов также попросили оценить насколько необходимым было решение генерал-майора Недобитко применить авиацию и артиллерию против боевиков, кроме того, один вопрос касался оценки полноты мер, предпринятых командным составом Оперативного Центра Западной группировки, с целью минимизации жертв среди гражданского населения в Катыр-Юрте.

96. 11 февраля 2002 г. шесть преподавателей Академии в чине от подполковника до генерал-майора подготовили свое заключение. Они получили доступ к военным документам, таким, как оперативные приказы по Объединенной группировке, ОЦ Западной группировки, регистрационные журналы и т.п. В основу своего отчета они положили шесть нормативно-правовых актов, названия которых не были раскрыты Суду. В отчете говорилось, что решение применить авиацию, фактически, было принято генерал-майором Недобитко после того, как подчиненные ему силы были атакованы при попытке войти в село. Авиационный и

артиллерийский обстрелы продолжались с 8.30 утра 4 февраля до 6 февраля 2000 г.

97. В заключении эксперты пришли к выводу о том, что действия офицеров войск МВД, которые принимали участие в специальной операции по уничтожению незаконных вооруженных формирований в Катыр-Юрте с 4 по 6 февраля 2000 г., соответствовали требованиям армейского Полевого устава и Полевого устава войск МВД. Анализ оперативной и тактической обстановки и просмотр видеозаписи дали экспертам возможность прийти к выводу о том, что решение применить авиацию и артиллерию было правильным и обоснованным. Этот вывод был подтвержден ссылкой на статью 19 армейского Полевого устава, которая гласит: «Решимость командира разгромить врага должна быть твердой и должна быть исполнена без колебаний. Позор тому командиру, который, испугавшись ответственности, бездействует и не применяет все силы, меры и возможности для достижения победы в бою».

98. Что касается минимизации потерь среди гражданских лиц, в отчете делается вывод, что определенные меры в этом направлении были предприняты: командиры организовали и провели выход населения из села и выбрали ограниченный метод ведения огня. Администрация и жители села были информированы о необходимости покинуть зону операции, для чего было выделено необходимое время. На западном выезде из села был установлен блокпост, оснащенный фильтрационным пунктом и укомплектованный представителями МВД и ФСБ, который был размещен вне зоны боевых действий. В отчете также предполагается, что потери могли бы быть меньшими, если бы гражданским лицам было предоставлено дополнительное время для выхода из села. Однако, это же время могло быть использовано боевиками для более тщательной подготовки обороны села, что вызвало бы дополнительные потери среди федеральных сил. И, наконец, эксперты пришли к выводу о том, что невозможно было сделать какие-либо определенные выводы относительно того, что помешало всем местным жителям безопасно покинуть село, но это, по мнению экспертов, скорее всего, были боевики.

п) Решение о прекращении уголовного расследования и его обжалование

99. 30 октября 2001 г. следователь военной прокуратуры Северокавказского Военного Округа, подчиняясь приказам окружного военного прокурора, передал дело другому военному прокурору. 13 марта 2002 г. последний принял решение о прекращении уголовного расследования за отсутствием состава преступления в действиях военных.

100. Следствие установило, что в ночь с 3 на 4 февраля 2000 г. группа в составе более 1000 хорошо экипированных и подготовленных боевиков под командованием Гелаева захватила село Катыр-Юрт. Эти боевики входили в состав более крупной группировки боевиков, которая уходила из Грозного на юг в горы. На тот момент большинство населения уже покинуло Катыр-Юрт. А другие, которые не пожелали покинуть село, спрятались в своих домах. Боевики заняли каменные и кирпичные здания, превратили их в укрепленные оборонительные позиции и использовали местных жителей в качестве «живого щита».

101. 4 февраля 2000 г. генерал-майор Недобитко, который не знал точного количества боевиков в селе, приказал поисковым группам войти в село, но они столкнулись с ожесточенным сопротивлением, понесли потери и были вынуждены отойти. Как только численное превосходство боевиков стало очевидным, Недобитко решил эвакуировать гражданское население и применить артиллерию и авиацию. Информация передавалась населению через главу местной администрации и с помощью передвижной громкоговорящей установки, которая ездила вокруг села. Для контроля над выездом из села были установлены два блокпоста. Около 9 часов утра артиллерия нанесла точечные удары по скоплениям противника, в частности, на окраинах села и в центре возле мечети. Затем была задействована войсковая авиация. Определение целей и наведение осуществлялось на основе информации, полученной от разведки и подразделений спецназа. Своими боевыми действиями боевики не дали федеральным силам возможности организовать эвакуацию гражданского населения.

102. Ожесточенный бой между боевиками и ракетные удары заставили местных жителей бежать из села, несмотря на тяжелый бой. К полудню 4 февраля 2000 г. поток гражданских беженцев усилился.

103. Спецоперация в Катыр-Юрте продолжалась три дня. На третью ночь группа боевиков в составе около 800 человек под прикрытием густого тумана ушла из Катыр-Юрта на юг в горы. Остальные боевики были уничтожены. В ходе спецоперации были убиты 43 мирных жителя и 53 были ранены. Это были люди, которые на момент начала бомбардировки не пожелали или не успели покинуть село.

104. В документе подытоживаются заявления генерал-майора Шаманова, генерал-майора Недобитко, полковника Р., полковника С. и других военнослужащих. В нем делается ссылка на оперативные приказы и журнал регистрации операции, которые подтверждают применение боевых средств и сопротивление боевиков. В нем делается ссылка на заявления главы администрации Катыр-Юрта и местных жителей, подтверждающие, что село было захвачено боевиками 4 февраля 2000 г. и, что авиация и артиллерия нанесли удар. В нем перечислены 43 погибших и 53 раненых в результате налетов гражданских лиц. В решении делается ссылка на показания четырех местных жителей относительно предоставления гуманитарного коридора (двое из этих жителей были ранены и включены в список раненых). В нем также упоминаются выводы военных экспертов.

105. На этом фоне следствие пришло к следующим выводам. Большинство гражданских лиц пострадало 4 февраля 2000 г. в центре села, где велся наиболее ожесточенный бой между федеральными силами и боевиками. Командный состав операции предпринял все возможные меры для организации выхода местного населения, который был прерван действиями боевиков, которые врвались в дома и захватывали их, используя гражданских в качестве «живого щита». Ожесточенное сопротивление боевиков и их численное превосходство, а также реальная опасность их прорыва в горы через позиции федеральных сил заставили командование использовать артиллерию и авиацию. Удары наносились по позициям боевиков. Авиация и артиллерия очень активно использовались на начальном этапе операции 4 февраля 2000 г., что вызвало массовое бегство местного населения. Таким образом, гражданские оказались под перекрестным огнем боевиков и федеральных сил, что и объясняет тяжелые потери. В результате активных действий федеральных сил большая часть

группы была уничтожена, село освобождено, а оставшиеся члены группировки рассеяны.

106. При таких обстоятельствах следствие пришло к заключению, что действия командования были абсолютно необходимыми для ликвидации опасности для общества, государства и жизням военнослужащих и гражданских лиц. Эта опасность не могла быть ликвидирована другими средствами, и действия командования были соразмерны сопротивлению, оказанному боевиками.

107. Уголовное дело, открытое по обвинению в злоупотреблении властью и убийстве было закрыто за отсутствием состава преступления. 62 постановления о признании потерпевшими пострадавших были аннулированы тем же решением. Заинтересованные лица были проинформированы о возможности обжалования в порядке гражданского судопроизводства.

108. 12 декабря 2002 г. генерал-майор Недобитко опротестовал решение от 13 марта 2002 г. Он считает, что оно должно быть прекращено на основании отсутствия события преступления. 6 марта 2003 г. Батайский гарнизонный военный суд отклонил его апелляцию и утвердил решение от 13 марта 2002 г.

2. Дополнительные показания свидетелей, предоставленные в Суд Заявительницей

109. Заявительница предоставила дополнительные показания о налете. Она показала, что была свидетелем смерти ее сына и трех племянниц, была ранена и видела, что ее родственники были ранены. Они не смогли похоронить своих погибших родственников на сельском кладбище в соответствии с национальными традициями и были вынуждены похоронить их на кладбище в Ачхой-Мартане. Ее дом и все принадлежащее ей имущество были уничтожены. Это вызвало у нее шок и непоправимые моральные страдания.

110. Заявительница предоставила в Суд пять дополнительных показаний свидетелей и потерпевших о налете на Катыр-Юрт. Свидетель А. показал, что в начале февраля 2000 г. село находилось под жестким контролем федеральных сил, и что там было от 8 до 10 тысяч перемещенных лиц, потому, что люди думали, что в Катыр-Юрте не будет боев. Вокруг села находились

военные блокпосты, а в центре находилась комендатура. Авианалет в 9 утра 4 февраля 2000 г. стал полной неожиданностью. Свидетель попытался покинуть село между 16 и 17 часами 4 февраля, но автомобиль, на котором он ехал, был обстрелян с вертолета, и он и его родственники были ранены. Ему удалось уехать из села 5 февраля, потеряв двух родственников. На дороге он видел много мертвых людей и сгоревших машин. Дорога была покрыта обломками от разрушенных домов. Дорога на Ачхой-Мартан была забита людьми, которые пытались уйти, но солдаты никого не выпускали, даже раненых. Свидетель не получил от государства никакой помощи. Он заявил, что когда пошел к главе сельской администрации сообщить о гибели своих родственников, он увидел список из 272 имен гражданских лиц, которые были убиты. Свидетели Б, В и Г дали показания об интенсивном обстреле 4 и 5 февраля 2000 г., в котором принимали участие самолеты, вертолеты, артиллерия и ракетные системы залпового огня «Град». Они также дали показания о прибытии на блокпост генерала Шаманова, который якобы приказал солдатам не выпускать людей из села. Они цитировали его приказы «отфильтровывать» всех мужчин, но эти приказы не выполнялись силами МВД. Они также дали показания об автомобиле «Волга» с шестью беженцами из Захан-Юрта, который был уничтожен прямым попаданием снаряда на дороге. Свидетель Д, который 5 февраля 2000 г. уехал из села в Ачхой-Мартан, рассказал о неразберихе и панике, неоднократных обстрелах и толпах людей на блокпосту в направлении Ачхой-Мартана. Он описал ситуацию, как «каждый был сам за себя». Свидетели либо ничего не знали о гуманитарном коридоре, либо заявляли, что они что-то слышали, но их исход ни в коем случае не был безопасным.

*3. Материалы интервью с военным командованием,
предоставленные Заявительницей*

111. Заявительница предоставила выдержку из книги (Карпов Б.В. *Внутренние войска: Кавказский Крест-2*. – М.: Деловой экспресс, 2000. – 281 с.), содержащей интервью с генерал-майором Барсуковым, заместителем командующего войск МВД на Северном Кавказе, который был среди командующих операцией в Катыр-Юрте. Его интервью, содержащееся в книге, включает следующий фрагмент на стр. 112-113:

«Некоторые бандиты...прорвались через наши позиции и опять появились в Лермонтов-Юрте. Мы там провели специальную операцию. Но, планируя и проводя эту операцию, мы также блокировали близлежащее село Шаами-Юрт. Два дня мы проводили там спецоперацию...

Остатки их сил прорывались на Катыр-Юрт. На тот момент он тоже был блокирован. Мы позволили им войти в Катыр-Юрт и провели там спецоперацию силами 7-го и 12-го отрядов спецназа. Снова мы столкнулись с ожесточенным сопротивлением. 7 отряд понес значительные потери. Мы были вынуждены его вывести... Мы опять задействовали огневую поддержку – «Град», «Ураган», «Буратино»¹, артиллерию 47 полка, пушки 46 полка, минометы. Применялись и истребители. Но...бандиты прорвались...и ушли в направлении села Гехи-Чу...

Возле Гехи-Чу мы смогли сделать выводы из операции, которая началась в Алхан-Кале. Больше 150 бандитов было задержано, 548 тел убитых было собрано. Остальных чеченцы второпях похоронили в Алхан-Кале... Много тел было сброшено или похоронено в неглубоких могилах. В Шаами-Юрте и Катыр-Юрте мы даже не собирали тела убитых. поскольку у нас не было необходимых для этого ресурсов. Обычно после нашего ухода приходит милиция вместе с силами Минюста. ...В войсках у нас просто не хватает грузовиков для вывоза такого количества тел. ...По нашим подсчетам, которые подтверждаются перехваченными радио переговорами, во время этого «рейда смерти» в «долине смерти» (это их выражения) они потеряли в общей сложности более полутора тысяч человек.»

112. Заявительница подала распечатку записи интервью программе «Зеркало» на телеканале РТР, которое было передано в

¹«Ураган» – 16 зарядная 200 мм установка ракетного залпового огня, выстреливающая две ракеты в секунду, каждая из которых оснащена осколочной боеголовкой высокой мощности, весит 280 кг, длиной 4,8 м и калибра 220 мм. Она несет взрывной заряд весом 51,7 кг и оснащена 100 кг боеголовкой. ТОС-1 «Буратино» – термобарическая система ракетного залпового огня, использующая 220 мм «огненные ракеты», или термобарические боеголовки. Зона гарантированного поражения составляет 200 на 400 метров. При взрыве боеголовки горячая жидкость в ней испаряется, создавая аэрозольное облако, которое, смешиваясь с кислородом, взрывается, сначала создавая высокотемпературное огненное облако, а затем – разрушительное сверхвысокое давление. Она также известна как «вакуумная бомба».

эфир 5 февраля 2000 г., в котором генерал-майор Шаманов, командующий Западной группировкой, сказал:

«Ну что ж, давайте, порадуем россиян. Западной группировке доверили принять участие в большой операции. Она называется «Волчья охота». Идея плана состояла в том, чтобы создать иллюзию существования коридора для выхода из Грозного по пути, которым воспользовались группы Арби Басаева. При поддержке ФСБ и других органов, одному из офицеров было дано задание связаться с боевиками и за большие деньги, мы теперь можем сказать, около 100 000 долларов США, пообещать коридор. Честно говоря, мы даже не ожидали, что бандиты проглотят наживку, особенно их руководители. Еще меньше мы ожидали, что их будет так много. Запланированная схема в сочетании с препятствиями не только продемонстрировала нашу правоту, но и в основном разрешила проблему Грозного... Операция продолжается. Западная группировка образовала коридор, поэтому шаг влево, шаг вправо означает расстрел. Мы преследуем их вдоль этого коридора, мы уже дожали их до второй линии и через два-три дня мы их всех уничтожим».

4. Отчет организации Human Rights Watch, предоставленный Заявительницей

113. Заявительница подала отчет, подготовленный правозащитной организацией «Human Rights Watch» в апреле 2003 г., под заголовком «Итоги расследования организацией «Human Rights Watch» случаев нападений на гражданских беженцев и гражданские конвои во время войны в Чечне, Россия, с октября 1999 г. по февраль 2000 г.». Материалы, подготовленные для Европейского Суда по правам человека, базируются на свидетельствах очевидцев, собранных исследователями HRW, в Ингушетии с ноября 1999 г. по май 2000 г. В отчете описываются не менее пяти независимых случаев нападения в пути на гражданских лиц, пытающихся уйти с театра боевых действий. В отчете говорится, что «Российские войска, похоже, преднамеренно бомбили и обстреливали гражданские конвои, что привело к значительным потерям среди гражданского населения... Частота нападений на убегающих гражданских лиц вынуждала многих из них оставаться в зоне активных боевых действий, что также повлияло на рост количества жертв конфликта.»

114. В отчете указывается на положения международного гуманитарного права, а именно, общую статью 13 (2) Дополнительного Протокола II к Женевской Конвенции 1949 г., а также статью 13(2) Дополнительного Протокола II к Женевской Конвенции от августа 1949 г. В отчете указано на то, что «там, где самолеты совершают многочисленные боевые пролеты над гражданскими конвоями, или конвои подвергаются продолжительному нападению наземных сил, наиболее вероятным объяснением является то, что эти нападения преднамеренны и обусловлены большой вероятностью информированности о преимущественно мирном характере конвоев. Обычное международное право требует, чтобы любые удары наносились только по военным, а не по гражданским объектам, и чтобы предполагаемый вред, который может быть нанесен гражданскому населению, был пропорционален прямому и конкретному военному преимуществу, которое предполагается получить вследствие такого удара. ... Каждый из описанных ниже случаев вызывает подозрение, что удары по гражданским лицам наносились преднамеренно или что примененная сила не была пропорциональна предполагаемому военному преимуществу...»

115. В отчете описывается бомбардировка Катыр-Юрта 4-6 февраля 2000 г. как один из примеров нападения на гражданское население, убегающее от боевых действий. Со ссылкой на информацию от правозащитных организаций, в отчете указано, что население Катыр-Юрта в то время составляло около 25 000 человек, включая около 15 000 внутренне перемещенных лиц. Рано утром 4 февраля 2000 г. несколько тысяч боевиков, ушедших из Грозного, находящегося на расстоянии около 30 километров, вошли в село. Спустя несколько часов началось нанесение ударов по селу. Показания жителей села, собранные HRW, описывают большие трудности, с которыми они столкнулись, пытаясь покинуть село, и многочисленные жертвы среди тех, кто прятался в подвалах и был застрелен на дороге.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

а) Конституционные положения

116. Статья 20 Конституции Российской Федерации защищает право на жизнь.

117. Статья 46 Конституции гарантирует защиту прав и свобод в суде и гласит, что любые решения или действия любого государственного органа могут быть обжалованы в суде. Часть 3 этой статьи гарантирует право обращения к международным органам по поводу защиты прав человека в том случае, если национальные средства правовой защиты полностью исчерпаны.

118. Статьи 52 и 53 предусматривают законодательную защиту прав потерпевших от преступлений и превышения служебных полномочий. Им гарантируется доступ к судебным органам и компенсация государством ущерба, нанесенного незаконными действиями государственных органов.

119. Статья 55 (3) предусматривает ограничение федеральным законодательством прав и свобод, но только до той степени, которая необходима для защиты фундаментальных принципов конституционной системы, морали, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства.

120. В соответствии со статьей 56 Конституции, чрезвычайное положение может вводиться в соответствии с федеральным законом. Некоторые права, включая право на жизнь и свободу от пыток, не могут быть ограничены.

б) Закон об обороне

121. Часть 25 закона об обороне от 1996 г. (*Федеральный закон от 31 мая 1996 г. N 61-ФЗ "Об обороне"*) предусматривает, что «надзор за выполнением закона и расследованием преступлений, совершенных в Вооруженных силах Российской Федерации, других силах, военных формированиях и органах управления, осуществляется Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами. Гражданские и уголовные дела в Вооруженных силах Российской Федерации, других силах,

военных формированиях и органах управления рассматриваются судами в соответствии с законодательством Российской Федерации.»

с) Закон о борьбе с терроризмом

122. Закон о борьбе с терроризмом от 1998 года (*Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»*) предусматривает следующее:

«Раздел 3. Основные принципы

В целях данного Федерального закона применяются следующие основные концепции:

... «борьба с терроризмом» означает действия, направленные на предотвращение, выявление, подавление и минимизацию последствий террористической деятельности;

«антитеррористическая операция» означает специальные действия, направленные на предотвращение террористических актов, обеспечение безопасности людей, нейтрализацию террористов и минимизацию последствий террористических актов;

«зона антитеррористической операции» означает отдельную поверхность земли или воды, средство транспорта, здание, строение или помещение с прилегающей территорией, где проводится антитеррористическая операция; ...

Раздел 13. Правовой режим в зоне антитеррористической операции

1. В зоне антитеррористической операции лица, проводящие операцию, имеют полномочия:

2) проверять документы, удостоверяющие личность частных и официальных лиц, и, в случае, если они не имеют документов, удостоверяющих личность, задерживать их для установления личности;

3) задерживать лиц, совершивших или совершающих правонарушения или иные действия по неподчинению законным требованиям лиц, участвующих в антитеррористической операции, включая действия по незаконному проникновению или попыткам проникновения в зону антитеррористической операции, и передавать таких лиц местным органам МВД Российской Федерации;

4) проникать в частные жилые или иные помещения... и транспортные средства во время подавления террористического

акта или преследования лиц, подозреваемых в совершении такого акта, когда задержка может поставить под угрозу жизнь или здоровье людей;

5) обыскивать лиц, их имущество и транспортные средства, при входе и выходе из зоны антитеррористической операции; в том числе и с помощью технических средств; ...

Раздел 21. Исключения из ответственности за нанесенный ущерб

В соответствии с, и в пределах, установленных законодательством, ущерб может быть нанесен жизни, здоровью и собственности террористов, а также другим интересам, пользующимся защитой закона, во время проведения антитеррористической операции. Однако, служащие, эксперты и другие лица, занятые в борьбе с терроризмом, не несут ответственности за такой ущерб в соответствии с законодательством Российской Федерации.»

d) Гражданский Процессуальный Кодекс Российской Федерации

123. Статьи 126-127 Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР, которые действовали в рассматриваемый в указанный промежуток времени, включали в себя общие формальные требования, предъявляемые к подаче искового заявления в суд, включая, среди прочего, имя и адрес ответчика, точные обстоятельства, на которых базируется иск и другие документы в поддержку иска.

Статья 214, часть 4 требует от суда приостановления рассмотрения дела, если оно не может быть рассмотрено до завершения иных гражданских, уголовных или административных разбирательств.

124. Статья 225 Кодекса предусматривает, что если в процессе рассмотрения жалобы на действия официального лица или гражданского иска суд обнаружил информацию, указывающую на совершение уголовного преступления, он обязан уведомить прокурора.

125. В соответствии с главой 24-1 гражданин может обратиться в суд с иском на незаконные действия государственного органа или официального лица. Такие жалобы могут быть поданы в суд либо по месту нахождения государственного органа, либо по месту

жительству истца на его усмотрение. В соответствии с той же процедурой, суды также могут принять решение о компенсации ущерба, включая нематериальный ущерб, если они пришли к выводу о том, что нарушение имело место.

е) Уголовно-Процессуальный Кодекс

126. Уголовно-Процессуальный Кодекс (*Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР 1960г. с изменениями и дополнениями*), который действовал в рассматриваемый промежуток времени, включал в себя положения касающиеся уголовного расследования.

127. В статье 53 сказано, что если потерпевший умер в результате преступления, его близкие родственники должны быть признаны потерпевшими в рамках уголовного расследования. Во время расследования потерпевшие могут давать показания и выступать с ходатайствами, а по завершении расследования они имеют полный доступ к материалам уголовного дела.

128. Статья 108 предусматривает возбуждение уголовного дела на основе писем и жалоб граждан, государственных или частных организаций, статей в прессе или обнаружения органом следствия, прокурором или судом свидетельств совершения преступления.

129. Статья 109 предусматривает принятие органом следствия одного из следующих решений на протяжении не более 10 дней после уведомления о преступлении: возбудить или отказать в возбуждении уголовного дела или передать информацию соответствующему органу. Лица, предоставившие информацию, должны быть проинформированы о любом решении.

130. В соответствии со статьей 113, в случае отказа следственного органа возбудить уголовное дело, им должно быть принято обоснованное решение. Заинтересованное лицо должно быть уведомлено о решении и может обжаловать его у вышестоящего прокурора или в суде.

131. В соответствии со статьей 126, военная прокуратура несет ответственность за расследование преступлений, совершенных военнослужащими при выполнении ими служебных обязанностей или в расположении военной части.

132. Статьи 208 и 209 содержат информацию относительно прекращения уголовного расследования. Причины прекращения уголовного дела включают в себя отсутствие состава

преступления. Решение о прекращении уголовного дела может быть обжаловано у вышестоящего прокурора или в суде.

f) Ситуация в Чеченской республике

133. В Чечне не объявлялось чрезвычайное или военное положение. Не было принято никаких федеральных законов, ограничивающих права населения этой территории. Не было принято никаких ограничений статьи 15 Конвенции.

g) Амнистия

134. 6 июня 2003 г. Государственная Дума приняла указ 4124-Ш, по которому была объявлена амнистия за преступные деяния, совершенные участниками конфликта с обеих сторон в период с декабря 1993 г. по июнь 2003 г. Амнистия не распространяется на такие тяжкие преступления, такие, как убийство.

ЗАКОН

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Аргументы сторон

1. Правительство

135. Правительство обратилось к Суду с просьбой признать жалобу неприемлемой на основании того, что Заявительница не исчерпала всех имеющихся у нее возможностей судебной защиты внутри страны. Оно сообщило, что соответствующие органы, в соответствии с национальным законодательством, продолжают проводить уголовное расследование гибели и ранения гражданских лиц и уничтожения собственности в Чечне. Заявитель не воспользовалась процедурными правами, которые она имела

как потерпевшая по уголовному делу, и не обжаловала решения, принятые следствием.

136. Правительство также заявило, что, несмотря на то, что суды в Чечне действительно не действовали в 1996 году, возможность рассмотрения дела через гражданское судопроизводство оставалось доступным для тех, кто выехал из Чечни. Существующая практика позволяет им обращаться в Верховный Суд или непосредственно в суд по месту нового жительства, который будет рассматривать их заявление. В 2001 г. суды в Чечне возобновили свою работу и рассмотрели большое количество гражданских и уголовных дел.

а) Верховный Суд

137. Возможность обжалования в Верховном Суде, по мнению Правительства, подтверждалась тем, что Верховный Суд может действовать как суд первой инстанции по гражданским делам. Правительство сослалось на два решения Верховного Суда от 2002 и 2003 годов, в которых после жалоб граждан были аннулированы и отменены положения двух указов Правительства. Оно также сослалось на дело К., по просьбе которого его иск к воинской части по возмещению нематериального ущерба был передан из районного суда в Чечне в Верховный Суд Дагестана, поскольку он настаивал на участии в слушании экспертов консультантов, которых в Чечне не было.

б) Обращение в другие суды

138. Возможность обращения в суд за пределами Чечни подтверждалась тем фактом, что заявители в других подобных случаях успешно обращались в районный суд в Ингушетии за подтверждением смерти их родственников. Правительство сослалось на дела 57942/00 и 57945/00 (Хашиев против России и Акаева против России) и дела 57947/00, 57948/00 и 57949/00 (Исаева против России, Юсупова против России и Базаева против России).

139. В качестве дальнейшего доказательства эффективности этого пути, Правительство сослалось на дело Хашиев против России (57942/00). По этому делу заявитель, чьи родственники были убиты в Грозном в январе 2000 года неизвестными лицами

(при обстоятельствах, которые дают серьезные основания полагать, что убийства были совершены федеральными военнослужащими), обратился в Назранский районный суд в Ингушетии, который 26 февраля 2003 г. признал необходимость выплаты компенсации за значительный материальный и моральный ущерб, причиненный гибелью родственников заявителя. Это решение было утверждено в высшей инстанции и выполнено, что стало доказательством того, что обращение в соответствующий районный суд помогло добиться удовлетворения иска по делу, подобному делу Заявительницы.

2. Заявительница

140. Заявительница сообщила, что она выполнила обязательство исчерпать все внутригосударственные средства правовой защиты, и те средства, на которые ссылалось Правительство, были иллюзорными, неадекватными и неэффективными. Заявитель обосновала такие выводы следующими аргументами.

а) Нарушения были совершены представителями государства

141. Заявительница сообщила, что антитеррористическая операция в Чечне, осуществляемая представителями государства, основывалась на положениях Закона о борьбе с терроризмом и официально была санкционирована на высшем уровне государственной власти.

142. Заявительница ссылается на текст закона «О борьбе с терроризмом», который разрешает антитеррористическим подразделениям ограничивать ряд прав человека, включая право на свободу передвижения, личную свободу, неприкосновенность жилища и корреспонденции и т.п. В законе четко не определены рамки, в пределах которых такие права могут ограничиваться, и не предусматривает никакой компенсации жертвам нарушений. В нем также отсутствуют положения относительно ответственности официальных лиц за злоупотребление властью. Заявительница ссылается на переписку между Генеральным секретарем Совета Европы и российским правительством в 2000 году, которая проводилась в соответствии со статьей 52 Европейской Конвенции

о правах человека. Она указала на то, что в Сводном отчете, заказанном Генеральным секретарем для анализа переписки, указаны недостатки того самого закона, на который ссылается российское правительство, как на юридическую основу своих действий в Чечне.

143. Она также заявила, что хотя официальные лица, которые проводили антитеррористические операции в Чечне, должны были знать о возможных широкомасштабных нарушениях прав человека, они не предприняли никаких имеющих значение шагов для их предотвращения или прекращения. Она приложила вырезки из прессы, в которых Президент Российской Федерации положительно отзывается о военных и милицйских операциях в Чечне, и предположила, что прокуратура не захочет противоречить «официальной линии» обвиняя представителей правоохранительных органов или военнослужащих.

144. Заявительница утверждает, что существует длительная практика не исполнения требования об эффективном расследовании нарушений, допущенных военнослужащими или милиционерами, как в мирное время, так и во время конфликтов. Она обосновывает свое предположение при помощи четырех следующих доводов: безнаказанность за преступления, совершенные в данный период военных действий (с 1999 г.), безнаказанность за преступления, совершенные в 1994 – 1996 годах, безнаказанность за пытки и плохое обращение в органах правопорядка по всей территории России и повсеместная безнаказанность за использование пыток и плохое обращение в воинских частях на территории страны.

145. Что касается текущей ситуации в Чечне, то Заявительница привела цитаты из сообщений правозащитных организаций, общественных организаций и средств массовой информации о нарушениях прав гражданского населения федеральными войсками. Она также сослалась на ряд документов Совета Европы, касающихся отсутствия прогресса в расследовании обоснованных обвинений в нарушении прав человека, совершенных федеральными войсками.

в) Неэффективность национальной правовой системы

146. Заявительница также считает, что национальные возможности удовлетворения иска, на которые ссылается

Правительство, были неэффективными из-за неспособности внутригосударственной правовой системы обеспечить удовлетворение иска. В этой связи она сослалась на решение суда в деле Акдивар и другие против Турции, из которого она сделала вывод, что Правительство-ответчик должно убедить Суд в том, что методы судебной защиты, которые не были использованы заявителем, были эффективными и доступными, как теоретически, так и практически в соответствующее время, что они могли обеспечить рассмотрение иска Заявителя, и предлагали достаточно реальные перспективы успешного решения дела (см. решение по делу Акдивар и другие против Турции от 30 августа 1996 г., Reports of Judgments and Decisions 1996-IV, с. 1210, § 68).

147. Заявительница считает, что Правительство не выполнило требования, заложенного в решении по делу Акдивар, поскольку оно не предоставило никаких свидетельств того, что теоретически существующие средства правовой защиты могли обеспечить надлежащую компенсацию по делу Заявительницы или, то, что они предлагали достаточно реальные перспективы успешного рассмотрения дела. Она поставила под сомнение эффективность каждого из двух возможных вариантов использования внутригосударственных средств правовой защиты, предложенных Правительством.

148. Относительно рассмотрения дела в порядке гражданского судопроизводства, Заявительница сообщила, что она не имела эффективного доступа к средствам правовой защиты, на которые ссылается Правительство. Обращение в Верховный Суд было бы просто бесполезным, поскольку этот суд имеет ограниченную юрисдикцию в качестве суда первой инстанции, например, при рассмотрении дел о законности административных актов. Опубликованные примеры дел, рассматриваемых Верховным Судом, не содержат ни одного примера гражданского дела, инициированного жертвой военного конфликта в Чечне против государственных органов. Что касается возможной передачи дел Верховным Судом, Заявительница сослалась на решение Конституционного Суда от 16 марта 1998 г, в котором Суд пришел к выводу о том, что определенные положения Гражданского Процессуального Кодекса, действовавшего в то время, разрешающие передачу дел судами высшей инстанции от одного суда другому, являются неконституционными. Что касается

возможности обращения в районный суд в соседнем регионе или в Чечне, заявительница указала, что это было бы бесполезно и неэффективно.

149. Что касается гражданского иска, заявительница считает, что в любом случае он не обеспечил бы эффективного удовлетворения по ее делу в значении, предусмотренном Конвенцией. Рассмотрение гражданского иска было бы неуспешным при отсутствии надлежащего уголовного расследования, и гражданский суд был бы вынужден приостановить рассмотрение такого иска до окончания расследования, согласно статье 214 (4) Гражданского Процессуального Кодекса. Она также заявила, что гражданское рассмотрение ее дела могло бы привести только к компенсации материального и нематериального ущерба, в то время как ее принципиальной целью является привлечение к ответственности виновных. Наконец, она указала на то, что хотя гражданские иски с целью получения компенсации за незаконные действия военных подавались в суды, почти ни один из них не был выигран.

150. Заявительница утверждает, что только рассмотрение ее дела в порядке уголовного судопроизводства может являться адекватным средством правовой защиты, и что соответствующая компенсация может быть назначена ей в ходе уголовного процесса, как жертве уголовных преступлений. Заявительница поставила под сомнение эффективность расследования по ее делу.

В. Оценка Судом

151. По данному делу Суд не принял никакого решения относительно использования внутригосударственных средств правовой защиты для удовлетворения иска на этапе решения вопроса о приемлемости дела к рассмотрению, обнаружив, что данный вопрос слишком тесно связан с существом дела. Такое же предварительное возражение было выдвинуто и Правительством на этапе рассмотрения дела по существу, поэтому Суд обязан изучить аргументы сторон, принимая во внимание положения Конституции и соответствующую правовую практику.

152. Суд напомнил, что правило исчерпания всех национальных средств правовой защиты для удовлетворения иска, на которое ссылается статья 35 § 1 Конвенции, обязывает

заявителя сначала использовать средства судебной защиты, доступ к которым можно получить обычным путем и которые достаточны, по национальному законодательству, для того, чтобы получить удовлетворение по предъявленным претензиям. Наличие таких средств правовой защиты должно быть гарантировано с достаточной определенностью, как в теории, так и на практике, поскольку в противном случае, они не отвечают предъявляемым критериям доступности и эффективности. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается в дальнейшем подать в Европейский Суд, должны быть поданы в соответствующий национальный орган, по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными требованиями национального законодательства. Вместе с тем, Суд отмечает, что никакого обязательного обращения к средствам судебной защиты, которые являются неадекватными и неэффективными, не требуется (см. решение по делу Аксой против Турции от 18 декабря 1996 г., Reports 1996-VI, сс. 2275-76, §§ 51-52, и выше указанное решение по делу Акдивар, с. 1210, §§ 65-67).

153. Суд подчеркнул, что применение правила исчерпывания национальных средств правовой защиты должно осуществляться с учетом того, что оно применяется в контексте механизма защиты прав человека, созданного добровольно государствами, подписавшими Конвенцию. Соответственно, Суд признал, что статья 35 § 1 должна применяться с определенной степенью гибкости и без чрезмерного формализма. Он также признал, что правило исчерпывания внутригосударственных средств правовой защиты не является абсолютным или автоматическим; при выяснении, было ли оно соблюдено, важно принимать во внимание обстоятельства конкретного дела. Это, в частности, означает, что Суд должен реалистически подходить не только к существованию формальных средств судебной защиты в правовой системе соответствующей страны-участницы Конвенции, но и к общему контексту, в котором они функционируют, а также к личным обстоятельствам заявителя. Он должен определить, сделал ли заявитель, с учетом всех обстоятельств дела, все, чего в разумных пределах можно от него было ожидать, для того, чтобы исчерпать все национальные средства судебной защиты (см. вышеуказанное решение по делу Акдивар и другие, с. 1211, § 69, и вышеуказанное решение по делу Аксой, с. 2276, §§ 53 и 54).

154. Суд определил, что российское законодательство предоставляет два принципиальных пути удовлетворения требований жертв незаконных или преступных действий, в которых обвиняются государство или его представители, а именно – гражданское разбирательство и средства правовой защиты в порядке уголовного судопроизводства.

155. Что касается действий, предпринимаемых в порядке гражданского судопроизводства по возмещению ущерба, нанесенного предполагаемыми незаконными действиями и незаконным поведением представителей государства, Суд напоминает, что Правительство полагается на две возможности, а именно, подачу жалобы в Верховный Суд или подачу жалобы в другие суды (см. §§ 135-139 выше). Суд указывает на то, что на момент признания данной жалобы приемлемой, он не получил никакого решения, в котором бы сообщалось о том, что Верховный Суд или другие суды способны, при отсутствии каких-либо результатов уголовного расследования, рассмотреть иск по существу дела в связи с обвинениями в совершении серьезных преступлений.

156. Что касается дела Хашиева, который подал жалобу в Суд (57942/00), и на которое ссылается Правительство, действительно, после получения заявления Правительства о том, что существует средство гражданской судебной защиты, он подал заявление в Назранский районный суд Ингушетии. Однако, указанный суд не мог проводить и не проводил независимого расследования относительно лица или лиц, ответственных за повлекшие смерть нападения, но он принял решение о возмещении ущерба Хашиеву на основе общеизвестного факта о военном превосходстве Российских федеральных сил в данном районе в указанное время и общей ответственности государства за действия военных.

157. Суд не считает, что это решение влияет на эффективность действий предпринимаемых в порядке гражданского производства в целях исчерпывания национальных средств правовой защиты. Несмотря на наличие для Хашиева положительного результата в форме получения денежной компенсации, решение подтверждает, что без преимуществ, которые дает завершение уголовного расследования, гражданское судопроизводство неспособно привести к установлению личности виновных в совершении преступления и определению степени их ответственности. Более

того, обязательство государства-участника, предусмотренное положениями статей 2 и 13 Конвенции, относительно организации следствия, способного привести к выявлению и наказанию лиц, ответственных за повлекшие смерть нападения, может оказаться иллюзорным, если, в отношении жалоб в соответствии с этой статьей, от заявителя будут требовать исчерпывания действий, ведущих только к материальной компенсации ущерба (см. решение по делу Яша против Турции от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-VI, с. 2431, § 74).

158. Суд также принял во внимание практические трудности, упомянутые Заявительницей и тот факт, что правоохранительные органы в Чечне не функционировали должным образом в указанный период времени. В этом отношении Суд согласен с Заявительницей, что существовали особые обстоятельства, которые влияли на ее способность выполнить обязательство исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты, которые, при иных обстоятельствах, могли бы быть доступными согласно статье 35 § 1 Конвенции.

159. В свете вышеуказанного, Суд считает, что Заявительница не была обязана воспользоваться национальными средствами правовой защиты, предложенными Правительством, в целях выполнения требования об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, и предварительные возражения Правительства в этом отношении являются необоснованными.

160. Что касается средств защиты в порядке уголовного судопроизводства, Суд установил, что было проведено уголовное расследование нападения на село, но только после значительной задержки, а именно, в сентябре 2000 г., несмотря на то, что власти должны были узнать о последствиях нападения немедленно после происшествия. Информация о жертвах среди гражданского населения такого масштаба должна была насторожить соответствующие органы власти и навести на мысль о необходимости начать расследование незамедлительно. Несмотря на это, согласно письму от 24 августа 2002 г., адресованному правозащитной организации «Мемориал», военная прокуратура в марте 2000 г. произвела проверку поступившей информации и отказалась начать расследование. Суд далее отмечает, что Заявительница не была должным образом уведомлена о ходе

следствия, и что следствием не выносились постановления о предъявлении обвинения в совершении преступления.

161. Суд считает, что этот элемент предварительных возражений Правительства поднимает вопрос об эффективности уголовного расследования фактических обстоятельств нападения, обжалованного Заявительницей, и установления ответственных за это нападение. Эти вопросы тесно связаны с существом жалобы Заявительницы. Таким образом, Суд считает, что эти вопросы должны быть изучены в соответствии с положениями, на которые ссылается Заявительница Конвенции, по существу вопроса. В свете вышеуказанного, Суду нет необходимости устанавливать действительно ли имеет место традиционная практика не расследования преступлений, совершенных милицией или военными, как считает Заявительница.

II. ЗАЯВЛЕНИЯ О НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

162. Заявительница считает, что ее право на жизнь и право на жизнь ее сына и других родственников было нарушено действиями военных. Она также заявила, что власти не провели эффективного и адекватного расследования нападения и не привлекли виновных к ответственности. Она полагалась на статью 2 Конвенции, которая гласит:

«1. Право каждого на жизнь защищается законом. Никто не может быть лишен жизни преднамеренно, за исключением исполнения судебного приговора по обвинению в совершении преступления, за которое закон предусматривает такое наказание.

2. Лишение жизни не может рассматриваться как совершенное в противоречие этой статье, если оно стало результатом применения силы, не большей, чем абсолютно необходимая:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для совершения законного ареста или для предотвращения побега законно задержанного лица;
- (c) при действиях, предпринятых законным образом с целью подавления мятежа или восстания».

А. Обвинение в невыполнении обязательства по защите жизни*1. Аргументы сторон***а) Заявительница**

163. Заявительница считает, что то, каким образом военная операция в Катыр-Юрте была спланирована, управлялась и была осуществлена представляет собой нарушение статьи 2. Она считает, что применение силы, которое привело к гибели ее сына и племянниц и ранению ее самой и ее родственников, не было ни абсолютно необходимым, ни исключительно соразмерным.

164. Заявительница сообщила, что командиры российских федеральных сил должны были знать о маршруте, выбранном боевиками при выходе из Грозного, и могли достаточно логично ожидать их прихода в Катыр-Юрт и либо предотвратить его, либо предупредить гражданское население. Более того, есть свидетельства, позволяющие предположить, что они сознательно и преднамеренно организовали проход для боевиков, который привел их в села, включая Катыр-Юрт, в котором они были атакованы.

165. Когда боевики оказались в селе, военные применили оружие массированного удара, такое, как установки залпового огня «Град», тяжелые авиабомбы ФАБ-250 и ФАБ-500, радиус поражения которых превышает 1000 метров и термобарические, или вакуумные, бомбы «Буратино». По мнению Заявительницы, последние запрещены международными соглашениями о традиционных видах вооружения. Такое оружие нельзя рассматривать ни как точное, ни как подходящее для проведения декларированной военными операции по «проверке личности». Никакого безопасного прохода гражданскому населению предоставлено не было. Гражданские жители, покидающие село, делали это под огнем и были задержаны на блокпосту. Что касается военного преимущества полученного в результате проведения операции, заявитель ссылается на отсутствие в следственном деле каких-либо конкретных данных по этому вопросу. Никто не оспорил того факта, что большинство боевиков

с командирами ушли из села, несмотря на сильную бомбардировку. Никакой точной информации не было предоставлено относительно количества или описания убитых или захваченных в ходе операции боевиков, не был предоставлен список с описанием захваченного оружия и т. п.

166. Заявительница считает, что военные эксперты обосновали свои выводы относительно оправданности удара правовыми актами, которые разрешают или даже поощряют применение тяжелых вооружений масштабного поражения, такими, как статья 19 армейского Полевого устава, которая приказывает командирам использовать любое оружие, имеющееся в их распоряжении, для достижения победы.

167. Заявительница также сослалась на свидетельства третьих сторон, представленные по делам Исаевой против России, Юсуповой против России и Базаевой против России (57947/00, 57948/00 и 57949/00), в которых Rights International, правозащитная организация, базирующаяся в США, подытожила для суда соответствующие правила международного гуманитарного права, регулирующие применение силы во время нападения на смешанные военно-гражданские цели во время вооруженных конфликтов не международного характера.

168. Заявительница указала на то, что Правительство не представило всех документов, содержащихся в уголовном деле по расследованию нападения. По ее мнению, это должно привести Суд к заключению об обоснованности выдвинутых ею обвинений.

в) Правительство

169. Правительство не отрицает факта нападения или того, что сын и три племянницы Заявительницы были убиты, и что Заявительница и ее другие родственники были ранены.

170. Правительство считает, что нападение и его последствия были законными согласно статье 2 § 2 (а), то есть, они стали результатом применения силы, абсолютно необходимой в тех обстоятельствах для защиты лица от неправомерного насилия. Применение смертельной силы было необходимо и пропорционально подавлению активного сопротивления незаконных вооруженных формирований, чьи действия представляли реальную угрозу жизни и здоровью военнослужащих и гражданских лиц, также общим интересам общества и

государства. Эта угроза не могла быть ликвидирована иными средствами, и действия командования операцией были пропорциональными. Огневые удары наносились по конкретным заранее определенным целям.

171. Правительство заявляет, что Заявительница и другие гражданские лица были должным образом проинформированы о готовящемся ударе и необходимости оставить село, для чего военные использовали вертолет и мобильную вещательную установку, оснащенные громкоговорителями. На двух выходах их Катыр-Юрта были оборудованы военные КПП. Однако попытки военных организовать безопасный выход населения саботировались боевиками, которые не отпускали местных жителей и провоцировали огонь федеральных сил, используя жителей в качестве живого щита. Документы уголовного дела продемонстрировали, по мнению Правительства, что большинство потерь среди гражданского населения имело место на начальном этапе операции, то есть, 4 февраля 2000 г., и в центре села, где происходила наиболее ожесточенная перестрелка между федеральными войсками и боевиками.

2. Оценка Суда

а) Общие принципы

172. Статья 2, которая гарантирует право на жизнь и определяет обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из фундаментальных положений Конвенции, никакие отклонения от которой, предусмотренные Статьей 15, не разрешаются в мирное время. Наряду со статьей 3 она также воплощает одну из главных ценностей демократических обществ, которые входят в Совет Европы. Поэтому обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны интерпретироваться чрезвычайно строго. Задача и цель Конвенции как инструмента защиты отдельной человеческой личности также требуют толкования и применения статьи 2 таким образом, чтобы ее гарантии были практически исполнимы и эффективны.

173. Статья 2 касается не только преднамеренного убийства, но и ситуаций, при которых разрешено «применение силы», которое

может привести, в качестве непреднамеренного результата, к лишению жизни. Однако сознательное или умышленное применение смертельной силы является только одним фактором, который должен приниматься во внимание при оценке ее необходимости. Любое применение силы позволено только в случае «абсолютной необходимости» для достижения одной или более целей, определенных в подпунктах (а) – (с). Это условие указывает на то, что должна применяться более жесткая и детальная проверка необходимости, чем та, которая обычно применяется при определении соответствия действий правительства «потребностям демократического общества» в соответствии с пунктами 2 статей 8-11 Конвенции. Соответственно, применяемая сила должна быть строго пропорциональна достижению дозволенных целей.

174. В свете важности значения защиты, предоставляемой статьей 2, Суд должен подвергнуть факт лишения жизни наиболее тщательному изучению, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства.

175. В частности, необходимо разобраться, планировалась ли и контролировалась властями операция таким образом, чтобы свести к как можно минимальному применению летальной силы. Власти должны принять необходимые меры для минимизации любого риска для жизни. Суд также должен разобраться в том, не отнеслись ли власти халатно к выбору своих действий (см. Решение по делу *Мак Канн и другие против Соединенного Королевства* от 27 сентября 1995 г., Series A no. 324, с.с. 45-46, §§ 146-50 и с. 57, § 194, решение по делу *Андронику и Константину против Кипра* от 9 октября 1997 г., Reports 1997-VI, с.с. 2097-98, § 171, с. 2102, § 181, с. 2104, § 186, с. 2107, § 192 и с. 2108, § 193 и *Хью Джордан против Соединенного Королевства*, 24746/95, §§ 102 – 104, ECHR 2001-III). То же касается нападения, после которого жертва выжила, но которое, вследствие использования летального оружия, считается покушением на убийство (см., *mutatis mutandis*, вышеуказанное дело *Яша против Турции*, с. 2431, § 100; *Макарацис против Греции* [GC], 50385/99, § 49-55, 20 декабря 2004).

176. Таким же образом, ответственность государства не ограничивается обстоятельствами, при которых существуют

значительные доказательства того, что неправильно направленный представителями государства огонь из оружия привел к гибели гражданских лиц. Она также может наступить в случае, если они не предприняли всех возможных мер предосторожности при выборе средств и методов проведения операции против противостоящей им группы с целью избежать и, по крайней мере, свести к минимуму вероятность случайной гибели гражданского населения (см. решение по делу *Эрги против Турции* от 28 июля 1998 г., *Reports* 1998-IV, с. 1778, § 79).

177. Относительно оспариваемых фактов, Суд напомнил о своей судебной практике, подтвердив стандарт доказательства «вне обоснованного сомнения» при оценке доказательств (*Авсар против Турции*, 25657/94, § 282, ECHR 2001). Такое доказательство может следовать из существования достаточно обоснованных, четких и совпадающих выводов или подобных неопровержимых презумпций факта. В таком контексте, необходимо принимать во внимание поведение сторон при получении доказательств (решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г., *Series A* no. 25, с. 65, § 161).

178. Суд с пониманием относится к субсидиарному характеру своей роли и признает, что должен соблюдать осторожность, принимая на себя роль трибунала в первой инстанции по факту, где обстоятельства данного дела не делают это неизбежным (см., например, *Мак Керр против Соединенного Королевства* (dec.), 28883/95, 4 апреля 2000 г.). Тем не менее, в тех случаях, когда обвинения выдвигаются на основании статей 2 и 3 Конвенции, Суд должен изучать дело особо тщательно (см., *mutatis mutandis*, решение по делу *Рибич против Австрии* от 4 декабря 1995 г., *Series A* no. 336, § 32, и, вышеуказанное дело *Авсар*, § 283) даже если некоторые процессуальные и следственные действия имело место на национальном уровне .

в) Существо жалобы по данному делу

179. Не подлежит сомнению то, что Заявительница и ее родственники были атакованы при попытке покинуть село Катыр-Юрт через то, что они считали безопасным выходом из зоны тяжелых боевых действий. Установлено, что авиабомба, сброшенная с российского военного самолета, взорвалась возле их микроавтобуса, в результате чего сын Заявительницы и три ее

племянницы были убиты, а сама Заявительница и другие ее родственники были ранены. Тем самым жалоба подпадает в сферу действия статьи 2. Правительство заявило, что применение силы было оправдано в данном случае параграфом 2(а) Конвенции, поскольку было абсолютно необходимо вследствие ситуации, сложившейся в Катыр-Юрте в то время.

180. Суд признает, что ситуация в Чечне в то время требовала исключительных мер со стороны государства, необходимых для восстановления контроля над Республикой и для подавления незаконного вооруженного восстания. Принимая во внимание контекст конфликта в Чечне в соответствующее время, такие меры могли включать в себя использование военных подразделений, оснащенных боевым оружием, включая военную авиацию и артиллерию. Присутствие очень большой группы вооруженных боевиков в Катыр-Юрте и их активное сопротивление правоохранительным органам, что не оспаривается сторонами, могло оправдать применение летальной силы представителями государства, что приводит ситуацию в сферу действия пункта 2 статьи 2.

181. Соглашаясь, что применение силы могло быть оправдано в данном случае, не вызывает сомнения необходимость обеспечения баланса между целью и средствами ее достижения. Суд теперь будет решать, не превышали ли действия по данному делу абсолютно необходимых для достижения заявленной цели. Для этого Суд изучит, на основе информации представленной сторонами и, принимая во внимание вышеперечисленные принципы (см. §§ 172-178 выше), соответствовало ли планирование и проведение операции статье 2 Конвенции.

182. С самого начала необходимо заявить, что способность Суда оценить планирование и проведение операции, ограничена дефицитом предоставленной ему информации. Правительство не предоставило в Суд большинство документов, имеющих отношение к военным действиям. Никаких планов операции, копий приказов, записей, записей в регистрационных журналах или оценки результатов военной операции не было предоставлено, в частности, не было предоставлено никакой информации, объясняющей, что было сделано для оценки и предупреждения возможного нанесения вреда гражданскому населению в Катыр-Юрте в случае применения тяжелых видов вооружения.

183. Несмотря на это, документы, представленные сторонами, и материалы уголовного дела дают возможность сделать определенные выводы относительно того, планировалась ли и проводилась операция таким образом, чтобы избежать или свести к минимуму нанесение вреда гражданскому населению, как этого требует статья 2 Конвенции.

184. Заявительница считает, что военные должны были знать заранее о большой вероятности прибытия в Катыр-Юрт большой группы боевиков и добавляет, что они даже способствовали этому. Суд отметил значительное количество доказательств того, что прибытие боевиков, вероятно, не было таким неожиданным событием для военных, чтобы они не имели времени принять меры к защите гражданского населения от вовлечения в конфликт.

185. В интервью, которое генерал Шаманов дал 5 февраля 2000 г., есть ссылка на успешный план по выманиванию вооруженных боевиков из Грозного и предотвращению их прорыва в горы, который состоял в создании жестко контролируемого федеральными войсками «коридора» в зоне ответственности Западной группировки (см. § 112 выше). В своих показаниях органам следствия генерал Шаманов заявил, что дивизия под командованием генерал-майора Недобитко была развернута для блокирования Катыр-Юрта, потому что была получена разведывательная информация о просачивании групп боевиков (см. § 68). В заявлении служащего ОМОН, размещенного в Катыр-Юрте, указывалось на предупреждение, полученное 3 февраля 2000 г. от его командования о том, что боевики могут прибыть в Катыр-Юрт или Валерик (см. § 79 выше). По крайней мере, два гражданских свидетеля говорили о блокпостах на выходах из села, которые осуществляли жесткий контроль за движением в Катыр-Юрт и из него, по крайней мере, за несколько дней до 4 февраля 2000 г. (см. §§ 54 и 110 выше). Таким образом, трудно допустить, что прибытие боевиков в Катыр-Юрт ранним утром 4 февраля 2000 г. и их численность застали врасплох командование операцией.

186. Наоборот, Заявительница и другие жители села заявили, что они чувствовали себя в безопасности от военных действий благодаря значительному военному присутствию в районе, блокпостам вокруг села и очевидному объявлению села «зоной безопасности». Подразделение ОМОН было размещено

непосредственно в Катыр-Юрте. Жители села заявляют, что прибытие боевиков и последующие удары были неожиданными и непредвиденными (см. §§ 15, 59, 110 выше).

187. Суду не было представлено никаких доказательств того, что до 4 февраля 2000 г. что-то было сделано для информирования населения об этих событиях непосредственно, или через главу администрации. Однако, то, что прибытия боевиков можно было ожидать с достаточной достоверностью, или, что их даже заманивали, в Катыр-Юрт, очевидно, подвергало население всяческим опасностям. Принимая во внимание наличие вышеуказанной информации, соответствующие власти должны были предвидеть эти опасные ситуации и, если они не могли предотвратить проникновение боевиков в село, они могли бы, по крайней мере, заранее предупредить жителей села. Глава сельской администрации, чья роль в осуществлении коммуникации между военными и местным населением, похоже, считается ключевой, был допрошен только один раз и никаких вопросов об обстоятельствах прибытия боевиков или организации безопасного выхода местного населения ему задано не было.

188. Принимая во внимание вышеуказанные элементы и изученные документы, Суд пришел к выводу, что военная операция в Катыр-Юрте не была спонтанной. Операция по разоружению или уничтожению боевиков планировалась заранее. В своих показаниях генерал-майор Недобитко заявил, что применение артиллерии и авиации предусматривалось как вариант и обсуждалось с генерал-майором Шамановым (см. § 74 выше). Офицер воздушного наведения заявил, что он был размещен на КП около Катыр-Юрта за день до начала операции (см. § 88 выше).

189. Суд считает очевидным то, что когда военные рассматривали возможность применения авиации, вооруженной тяжелыми средствами поражения, в пределах населенной территории, они также должны были взвесить опасность, которую такой подход неизбежно влечет за собой. Однако нет никаких свидетельств того, что такие соображения играли сколько-нибудь значительную роль при планировании. В своем заявлении генерал-майор Недобитко указал на то, что в оперативном плане, рассмотренном с генерал-майором Владимиром Шамановым вечером 3 февраля 2000 г., упоминалось присутствие беженцев. Такое простое упоминание не может заменить комплексной

оценки границ и ограничений использования мощных вооружений масштабного поражения в пределах населенной территории. По различным оценкам, население Катыр-Юрта во время описываемых событий составляло от 18 до 25 тысяч человек. Нет никаких свидетельств того, что на этапе планирования операции осуществлялись какие-либо серьезные расчеты по эвакуации гражданского населения, такие, как предварительное информирование населения об ударах, как долго такая эвакуация может длиться, какими путями должны двигаться эвакуируемые, какие меры предпринимались для обеспечения безопасности, что необходимо было предпринять для оказания помощи немощным и уязвимым лицам и т.п.

190. Как только присутствие значительного количества боевиков стало очевидным для властей, командование операцией решило следовать плану, который предусматривал нанесение бомбовых и ракетных ударов по Катыр-Юрту. Между 8 и 9 часами утра 4 февраля 2000 г. генерал-майор Недобитко вызвал истребители, не указывая, какую бомбовую нагрузку им брать. Самолеты, очевидно, по умолчанию, были вооружены тяжелыми авиабомбами свободного падения и большой разрушительной силы ФАБ-250 и ФАБ 500 с радиусом поражения свыше 1000 метров. По словам военнослужащего, бомбы и другое неуправляемое тяжелое вооружение применялось против целей, как в центре, так и на окраинах села (см. §§ 70, 91 выше).

191. Суд считает, что использование такого рода оружия на населенной территории не в военное время и без предварительной эвакуации гражданских лиц невозможно соотносить с той степенью осторожности, которая ожидается от правоохранительных органов в демократическом обществе. В Чечне не объявлялось военное или чрезвычайное положение, и никаких ограничений в соответствии со статьей 15 Конвенции не было введено (см. § 133). Поэтому данная операция должна рассматриваться на обычном юридическом фоне. Даже в ситуации, когда, по уверениям Правительства, население села удерживалось в качестве заложников большой группой хорошо оснащенных и подготовленных боевиков, главной целью операции должна быть защита жизни от незаконного насилия. Массированное применение мощного вооружения масштабного поражения без сомнения противоречит этой цели и не может считаться

соразмерным с нормой о предварительной заботе о гражданском населении, являющейся обязательным условием операций такого рода с применением летальной силы представителями государства.

192. Во время следствия командование операции сообщило, что для населения Катыр-Юрта был объявлен безопасный проход, что население было должным образом информировано о выходе через главу администрации и посредством передвижной вещательной установки и вертолета, оснащенного громкоговорителями; и что два блокпоста были открыты для поддержки выхода.

193. Документы, изученные Судом, подтверждают, что определенная информация о безопасном проходе действительно была передана жителям села. Несколько военнослужащих подтвердили осуществление таких шагов, хотя эта информация не в полной мере последовательна. Одна из жительниц подтверждает, что утром 4 февраля 2000 г. она видела вертолет, оснащенный громкоговорителями, но не могла разобрать слов из-за стрельбы, которая велась вокруг (см. § 52 выше). Заявитель и другие многочисленные свидетели утверждают, что они узнали, в основном от соседей, что военные разрешают гражданским лицам выйти через гуманитарный коридор. Хотя ни в одном документе, представленном военными и рассмотренном Судом, нет указания на время такого объявления, жители села указывают на примерно 15 часов 4 февраля. 2000 г. Таким образом, получается, что объявление коридора местным жителям произошло только после нескольких часов бомбардировки села войсками с использованием тяжелых вооружений масштабного поражения, что уже поставило под большую угрозу жизнь местного населения.

194. Суд далее отмечает, что ссылка на установку военных блокпостов на выходах из села демонстрирует намерение военных контролировать исход с целью отделения боевиков от мирных жителей, но ни коим образом не способствует выходу гражданских лиц. На основании рассмотренных документов выходит, что хотя возможность выходить из села двумя маршрутами – в направлении Ачхой-Мартана и в сторону села Валерик – существовала, жителям фактически разрешили выходить только через первый выход. Свидетели в своих заявлениях ссылаются на информацию, полученную вначале о том, что военными открыта дорога на Ачхой-Мартан. Заявитель и другие жители села, которые ушли из села 4 и 5 февраля 2000 г., сделали это через выход на Ачхой-

Мартан. Некоторые свидетели заявили, что их не выпустили через блокпост по дороге на Валерик и что солдаты ссылались на приказ генерала Шаманова (см. §§ 58-59 выше). Командующий операцией генерал-майор Недобитко на вопрос следователя о том, что изменилось бы, если бы жители села сопротивлялись входу боевиков в село или раньше сообщили военным об их прибытии, ответил, что военные «позволили бы им уйти через оба блокпоста (см. § 76 выше). Таким образом, можно прийти к заключению, что, по крайней мере, на определенный период в течение трех дней боевых действий второй блокпост, по дороге на Валерик, не был открыт для прохода гражданских лиц, что не дало им возможности оставить арену сражения по приказу командования операцией.

195. Как только распространилась информация о коридоре, жители села начали уходить, воспользовавшись перерывом в бомбардировке. Количество гражданских лиц и автомобилей на дороге в направлении Ачхой-Мартана днем 4 февраля 2000 г. должно было быть довольно значительным. Один из свидетелей сообщил, что много машин выстроились вдоль улицы Орджоникидзе, когда они выезжали (см. § 45 выше). Заявитель утверждает, что их соседи покидали село вместе с ними (см. § 17 выше). Полковник Р. утверждает, что в первый день бомбардировки жители массово покидали Катыр-Юрт по дороге на Ачхой-Мартан (см. § 77 выше). Солдаты на блокпосту на дороге в Ачхой-Мартан должны были видеть людей, спасающихся от перестрелки. Это должно было знать командование операции, которое должно было обеспечить безопасный проход.

196. Однако, никаких документов или заявлений военных относительно приказа прекратить нанесение ударов или ослабить их интенсивность, нет. Хотя многие военнослужащие ссылались на объявление гуманитарного коридора, нет ни одного заявления, которое бы указало на реальное существование такого коридора. Показания офицеров наведения и военных летчиков, рассмотренные Судом, не содержат ссылок на информацию о гуманитарном коридоре или обязательстве его соблюдать. Не похоже также на то, что они когда-либо были уведомлены военнослужащими, находящимися на блокпосту на дороге в Ачхой-Мартан или командованием операции о присутствии гражданских беженцев на улицах. Их собственная оценка целей, похоже, не была точной из-за плохой видимости и пилоты, в своих

показаниях отрицают, что они видели гражданских лиц или транспортные средства.

197. Вопрос о точном количестве жертв остается открытым, но Суд имеет достаточно доказательств, чтобы предположить, что в этих обстоятельствах оно может быть значительно выше, чем цифры, уже сами по себе очень значительные, которые были выявлены в результате проведенного местными правоохранительными органами следствия. Суд также принимает во внимание отчет Human Rights Watch относительно этого и других случаев нападения на гражданских лиц, спасающихся от боевых действий. Суд не обнаружил никакой разницы между теми происшествиями и ситуацией, в которую попали Заявительница и ее родственники, в смысле уровня опасности, которой они подвергались.

198. Военные эксперты в своем отчете от 11 февраля 2002 г. пришли к заключению, что действия командования были законными и соответствующими ситуации (см. § 95 выше). Относительно минимизации потерь среди мирного населения, вывод в отчете базировался на двух принципиальных положениях: что командование организовало и осуществило выход из села мирного населения, и что оно применяло точечный метод нанесения ударов. Суд, в свете вышеуказанных параграфов, не считает, что документы, содержащиеся в уголовном деле и рассмотренные следователями, приводят к такому выводу. В выводах содержится предположение, что боевики не дали жителям возможности эвакуироваться. И снова, в представленных документах нет ничего, что указывало бы на то, что боевики задерживали жителей села или мешали им уйти.

199. Заявительница, считает, что существующая правовая система государства не способна защитить жизнь мирного населения должным образом. Она сослалась на единственный предоставленный в Суд рассекреченный нормативно-правовой акт, на котором основывались военные эксперты в своем отчете, а именно, армейский Полевой устав. Суд согласен с Заявительницей в том, что неспособность Правительства воспользоваться положениями какого-либо национального закона, регламентирующего применение силы войсками или силами безопасности в ситуациях, подобных данной, хотя сама по себе и недостаточна для того, чтобы сделать вывод о нарушении

государством его позитивного обязательства защищать право на жизнь, имеет в обстоятельствах данного дела прямое отношение к соображениям Суда относительно пропорциональности ответа на нападение (см. *mutatis mutandis*, вышеуказанное решение по делу *Мак Канна*, § 156).

200. В итоге, соглашаясь с тем, что операция в Катыр-Юрте 4-7 февраля 2000 г. имела перед собой законную цель, Суд не может согласиться с тем, что она была спланирована и проведена с должной заботой о жизни гражданского населения.

201. Суд считает, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении обязательств страны-ответчика защищать право Заявительницы, ее сына Зелимхана Исаева и трех ее племянниц: Заремы Батаевой, Хеды Батаевой и Марем Батаевой.

В. Относительно адекватности проведенного расследования

1. Аргументы сторон

а) Заявительница

202. Заявительница считает, что власти не провели независимого, эффективного и тщательного расследования нападения.

203. В этом отношении Заявительница утверждает, что ситуация в Чечне с 1999 г. характеризовалась значительными гражданскими волнениями вследствие конфронтации между федеральными войсками и вооруженными группами чеченцев. Она ссылалась на информацию, полученную из прессы и от общественных организаций, которая, по ее мнению, указывает на серьезные препятствия для нормального функционирования системы судопроизводства и вызывает серьезные сомнения относительно эффективности работы прокуратуры. Она заявила, что трудности в Республике не избавили правительство России от его обязательств по Конвенции, и что правительство не предоставило доказательств того, что какое-либо расследование насилия против гражданских лиц было эффективным и адекватным.

204. Заявительница затем добавила, что у нее были причины не подавать заявления в прокуратуру немедленно после нападения потому, что она чувствовала себя уязвимой, бессильной и полностью во власти представителей государства. Она также заявила, что прокуратура необъяснимо медленно реагировала на сообщение о нападении. Прокуратура знала или должна была быстро узнать о нападении и многочисленных фактах гибели гражданских жителей от соответствующих гражданских и военных органов власти, а также из отчетов общественных организаций и прессы. Информация о большом количестве жертв должна была подтолкнуть прокуроров к особенно быстрым и тщательным действиям. Потом она привела пример того, как она и ее родственники обратились за медицинской помощью в больницы в Чечне и Ингушетии и что медицинский персонал обязан сообщать в правоохранительные органы о ранениях, которые могут иметь связь с преступлением. Сотрудники органа ЗАГС, которые выдали свидетельства о смерти родственников заявителя в апреле 2000 г., также обязаны информировать прокурора о подобных инцидентах.

205. Заявительница считает, что, несмотря на вышеуказанное, прокуратура не спешила расследовать нападение. В апреле 2000 г. военные следователи отказали в возбуждении уголовного дела после проведения простой проверки. До сентября 2000 г. уголовное дело не было возбуждено. Следствие было окончательно прекращено в марте 2002 г. за отсутствием состава преступления. Никому не было предъявлено обвинение, и никто не был обвинен. Это решение было опротестовано генерал-майором Недобитко, который был допрошен в качестве свидетеля, а 6 марта 2003 г. военный суд Батайского гарнизона утвердил это решение. Заявительница отметила, что, несмотря на то, что генерал-майор Недобитко не имел процессуального статуса, который позволил бы ему подать заявление в суд, решение гарнизонного суда подтвердило результаты расследования. Если бы она сама обратилась в суд, он принял бы такое же решение.

206. Наконец, Заявительница утверждает, что расследование нападения было неадекватным и неполным и не может рассматриваться как эффективное. Она напомнила о недостатках расследования. Заявительница сообщила, что даже она не была должным образом информирована о ходе расследования и не могла принять в нем реального участия.

в) Правительство

207. Правительство отрицает любые недостатки расследования, и заявило, что расследование полностью соответствовало национальному законодательству. Оно указало на большой объем работы, выполненной следователями, которая включала сбор показаний десятков свидетелей в Чечне и Ингушетии, а также в других регионах, куда были переведены военнослужащие, участвовавшие в операции, сбор значительного количества данных о планировании и выполнении операции среди военных, медицинской информации. Отчет экспертов был подготовлен на основе собранных свидетельств. Следствие пришло к выводу, что действия военных были абсолютно необходимыми в данных обстоятельствах, и поэтому никакого преступления не было.

208. Что касается участия Заявительницы, Правительство напомнило, что 2 октября 2000 г. Заявителю был предоставлен статус потерпевшей по данному уголовному делу, и что она могла воспользоваться своими процессуальными правами, например, правом на обжалование в суд решений следователей.

2. Мнение Суда**а) Общие соображения**

209. Обязательство защищать право на жизнь, согласно статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства согласно статье 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в Конвенции», требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы (см *Мак Канн и другие против Соединенного Королевства*, с. 49, § 161, и решение по делу *Кая против Турции* от 19 февраля 1998 г., *Reports* 1998-I, с. 324, § 86).

210. Важной целью такого расследования является гарантированное применение национального законодательства, которое защищает право на жизнь, и в случае, если в это вовлечены государственные органы или их представители, привлечение их к ответственности за гибель людей, происшедшую в ситуации, когда они находились под ответственностью

представителей государства. Форма расследования, которое должно обеспечить достижение этих целей, зависит от обстоятельств. Однако, независимо от выбранного метода, власти должны действовать по собственной инициативе после того, как суть дела была доведена до их сведения. Недопустимо полагаться на подачу официальной жалобы или взятие на себя ответственности за проведение каких-либо процедур расследования близкими родственниками потерпевших (см., например, *mutatis mutandis*, Ильхан против Турции [GC], 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII).

211. Для того, чтобы расследование предполагаемого противозаконного убийства представителями государства было эффективным, считается обязательным, чтобы лица, отвечающие за проведение расследования, не были зависимыми от возможных участников событий (см., например, решение по делу Гюлеч против Турции от 27 июля 1998 г., *Reports* 1998-IV, §§ 81-82; Оджур против Турции [GC], 21594/93, §§ 91-92, ECHR 1999-III). Это предполагает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но и практическую независимость (см., например, решение по делу Эрги против Турции от 28 июля 1998 г., *Reports* 1998-IV, с.с. 1778-79, §§ 83-84, и недавние дела в Северной Ирландии, например, Мак Керр против Соединенного Королевства, 28883/95, § 128, Хью Джордан против Соединенного Королевства, 24746/94, § 120, и Келли и другие против Соединенного Королевства, 30054/96, § 114, ECHR 2001-III).

212. Расследование также должно быть результативным, то есть, должно привести к выяснению была ли сила, примененная в таких случаях, оправдана обстоятельствами или нет (например, вышеуказанное дело Кая против Турции, с. 324, § 87) и к выявлению и наказанию виновных (вышеуказанное дело Оджур против Турции, § 88). Это обязательство предусматривает не результаты расследования, а то, какими средствами и как именно оно проводилось. Власти должны предпринять необходимые меры, имеющиеся в их распоряжении, для обеспечения доказательств, касающихся инцидента, включая, среди прочего, свидетельства очевидцев, результаты судебно-медицинской экспертизы, и там, где необходимо, вскрытие, которое предоставляет полный и точный отчет о ранении, а также объективный анализ результатов клинических исследований, включая и причину смерти (см.,

например, Салман против Турции [GC], 21986/93, ECHR 2000-VII, § 106; Танрикулу против Турции [GC], 23763/94, ECHR 1999-IV, § 109; Гюл против Турции, 22676/93, § 89, 14 декабря 2000 г.). Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причину смерти или виновных лиц или лицо, может привести невыполнению этого требования (см., последние дела в Северной Ирландии относительно неспособности следствия обеспечить присутствия свидетелей из службы безопасности, непосредственно вовлеченных в применение летальной силы, например, вышеуказанные дела Мак Керр против Соединенного Королевства, § 144, и Хью Джордан против Соединенного Королевства, § 127).

213 Требование немедленного реагирования и достаточной скорости расследования в этом контексте является четко выраженным (см. вышеуказанное дело Яша против Турции, §§ 102-104; Чакичи против Турции [GC], 23657/94, §§ 80, 87 и 106, ECHR 1999-IV; вышеуказанное дело Танрикулу против Турции, § 109; Махмут Кая против Турции, 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-107). Несмотря на возможные трудности или препятствия, сдерживающие продвижение следствия в конкретной ситуации, быстрая реакция властей на необходимость расследовать применение летальной силы может рассматриваться как необходимый элемент для поддержания доверия общества к законности действий правительства и не возникновения впечатления о сговоре или толерантном отношении к беззаконию (см., например, вышеуказанное дело Хью Джордан против Соединенного Королевства, §§ 108, 136-140).

214. По тем же причинам должен иметься существенный элемент общественного контроля над ходом расследования или его результатами, что обеспечивает подотчетность на практике, а не только в теории. Степень необходимого общественного контроля зависит от ситуации. Однако, во всех случаях, ближайший родственник жертвы должен привлекаться к процессу расследования настолько, насколько это необходимо для обеспечения его или ее законных интересов (см., вышеуказанные дела Гюлеч против Турции, с. 1733, § 82; Оджюр против Турции, § 92; Гюл против Турции, § 93; и Северо-ирландские дела, например вышеуказанное дело, Мак Керр против Соединенного Королевства, § 148).

в) Существо жалобы по данному делу

215. Расследование проводилось по поводу нападения 4-7 февраля 2000 г. Суд должен выяснить, соответствовало ли расследование требованиям статьи 2 Конвенции.

216. Заявление в военную прокуратуру, поданное в марте 2000 г. правозащитной организацией «Мемориал» от имени Заявительницы, содержало детальные и обоснованные обвинения в многочисленных жертвах среди гражданского населения, вызванных нападением на Катыр-Юрт. Однако, несмотря на эти, очень серьезные, обвинения, поддержанные существенными доказательствами, их жалоба была отклонена в апреле 2000 г., как не содержащая признаков состава преступления (см. § 30 выше).

217. Расследование началось только после того, как жалоба в сентябре 2000 г. была передана Судом Правительству-ответчику. Таким образом, имела место значительная задержка, по крайней мере, на семь месяцев, возбуждения уголовного дела по обоснованному обвинению в гибели десятков гражданских лиц. Никакого пояснения такой задержки не было предоставлено.

218. Суд отмечает несколько элементов в документах, включенных в уголовное дело, которые совокупно наводят на мысль о существовании ряда серьезных недостатков в проведении следствия. Отметив это, Суд также отмечает, что в течение 2001 года значительный объем работы, как в Чечне, так и в других регионах, был осуществлен военными следователями, которые старались свести воедино информацию о нападении.

219. Суд особенно поразило отсутствие надежной информации об объявлении «безопасного прохода» для гражданских лиц как до, так и во время военной операции в Катыр-Юрте. Никто из военных или гражданских руководителей не был определен как ответственный за объявление коридора и за безопасность тех, кто им пользовался. Никакой информации не было предоставлено для объяснения очевидно полного отсутствия координации между объявлениями о «безопасном выходе» для гражданских лиц и очень мало внимания уделялось, если вообще уделялось, этому вопросу при планировании и выполнении военными своей миссии.

220. Ряд показаний свидетелей и показания высших военных командиров определенно указывают на то, что жители Катыр-Юрта были «наказаны» за очевидное нежелание сотрудничать с военным руководством. Несколько свидетелей заявили, что 5 или 6

февраля 2000 г. они видели генерала Шаманова, который отдавал приказ не выпускать гражданских из села. (см. §§ 53-57, 59, 110 выше). В своем собственном заявлении следствию Шаманов признал, что он обвинил главу Катыр-Юртской администрации в ухудшении ситуации (см. § 71 выше). Имеются основания считать, что второй выход из Катыр-Юрта в сторону села Валерик оставался закрытым для гражданских лиц в течение некоторого времени во время перестрелки по той же причине. Генерал-майор Недобитко признал, что если бы жители села «сотрудничали», можно было бы открыть оба выхода. (см. § 76 выше).

221. Следствие сделало удивительно мало попыток найти объяснение таким серьезным и обоснованным обвинениям. В представленных материалах уголовного дела, Суд не обнаружил показаний военнослужащих, которые находились на блокпостах на двух выходах из села, об обстоятельствах выхода жителей и характере приказов, которые они получили. Наиболее важно то, что глава Катыр-Юртской администрации, которого военные свидетели постоянно упоминают как своего собеседника, был допрошен только один раз. Никаких вопросов относительно контактов с военными ему не задавали.

222. Другие элементы расследования также нуждаются в комментарии. Следствие со всей очевидностью не смогло установить других жертв и свидетелей нападения. Информация о решении от 13 марта 2002 г. о прекращении расследования и аннулировании решения о признании потерпевшей не была доведена непосредственно до Заявительницы и других потерпевших, как того требует национальное законодательство. Вместо этого, главе правительства Чечни было отправлено письмо, с просьбой найти и проинформировать потерпевших. В списке имен, приложенном к письму, не было никаких личных данных потерпевших, таких, как постоянный или временный адрес, дата рождения и другие подобные данные. Нет никакой информации, которая бы указывала на то, что правительство Чечни выполнило просьбу и сообщило Заявительнице и другим потерпевшим о таком развитии событий. Суд не принимает утверждения Правительства о том, что Заявительница была должным образом информирована о ходе расследования и могла обжаловать его результаты.

223. Решение о прекращении расследования основывалось на отчете военных экспертов от февраля 2002 года. Как Суд заявил выше, выводы этого отчета о законности и пропорциональности военных действий, похоже, не совпадают с документами, содержащимися в деле (см. § 198 выше). Отсутствие какой-либо реальной возможности для Заявительницы обжаловать выводы, содержащиеся в отчете, и соответственно, окончательные выводы следствия, не может считаться соответствующим вышеперечисленным принципам относительно возможности найти оправдание применению силы в данных обстоятельствах и выявления и наказания виновных.

224. В свете этого, Суд считает, что власти не осуществили результативного расследования обстоятельств наступления на Катыр-Юрт 4-7 февраля 2000 г. Это привело к предложению обратиться к гражданским средствам правовой защиты, которые были также неэффективны при обстоятельствах данного дела. Суд соответственно отклоняет предварительные возражения Правительства и считает, что в данном отношении имело место нарушение статьи 2.

III. ОБВИНЕНИЕ В НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

225. Заявитель утверждает, что она не имела никаких эффективных средств правовой защиты относительно вышеуказанных нарушений, что противоречит статье 13 Конвенции, Эта статья гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, установленные в данной Конвенции, нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты против действий национального органа власти, принимая во внимание то, что нарушение было допущено лицами, выполняющими официальные обязанности.»

1. Общие принципы

226. Суд подтвердил, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на внутригосударственном уровне средств правовой защиты, которые укрепляли бы гарантии прав и свобод, предоставляемых Конвенцией, в какой бы форме они не обеспечивались национальным законодательством. Таким образом,

статья 13 требует наличия национальных средства правовой защиты достаточных для судебного рассмотрения сущности «оспариваемого дела» в соответствии с Конвенцией и предоставления соответствующей компенсации, хотя страны-участницы Конвенции получают определенную свободу действий в том, как они выполняют свои обязательства, принятые ими по этому положению Конвенции. Масштаб обязательств по статье 13, зависит от характера жалобы заявителя, поданной в соответствии с Конвенцией. Тем не менее, средство правовой защиты, которого требует статья 13, должно быть «эффективным» на практике, а не только по предписаниям существующего законодательства, особенно в том смысле, что его применение не может неоправданно ограничиваться действиями или бездействием властей страны-ответчика (вышеуказанное решение по делу Аксой, § 95, и решение по делу Авдин против Турции от 25 сентября 1997 г., *Reports* 1997-VI, § 103).

227. Принимая во внимание фундаментальное значение прав, гарантированных статьями 2 и 3 Конвенции, статья 13 требует в дополнение к выплате компенсации, там, где это необходимо, тщательного и результативного расследования, способного привести к выявлению и наказанию виновных в лишении жизни и обращении, которое противоречит статье 3, включая фактический доступ жалобщика к процессу расследования (см., вышеуказанное дело Авсар, § 429; Ангелова против Болгарии, 38361/97, § 161, ECHR 2002-IV). Суд далее напоминает, что требования статьи 13 шире, чем обязательства проводить результативное расследование, взятые на себя странами-участницами согласно статье 2 (см. Орхан против Турции, 25656/94, § 384, 18 июня 2002, ECHR 2002).

2. Мнение Суда

228. Принимая во внимание вышеуказанные выводы Суда по поводу статьи 2, эта жалоба безусловно «имеет все основания для рассмотрения» в соответствии с требованиями статьи 13 (решение по делу Бойл и Райс против Соединенного Королевства от 27 апреля 1988 г., *Series A* no. 131, § 52). В свете этого, Заявительница должна была иметь возможность получить эффективные и действующие на практике средства правовой защиты, способные привести к выявлению и наказанию виновных и присуждению компенсации в соответствии со статьей 13.

229. Однако, в условиях, когда, как в настоящем деле, уголовное расследование обстоятельств нападения неэффективно, поскольку ему не хватает объективности и тщательности (см. §§ 215-224 выше), и когда результативность любого другого возможного средства правовой защиты, включая средства гражданско-правовой защиты, предложенные Правительством, соответственно подорвана, Суд считает, что государство не выполняет своих обязательств по Конвенции.

230. Соответственно, в данном деле имеется нарушение статьи 13 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

231. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд находит, что имеет место нарушение Конвенции или ее Протоколов, и если национальное законодательство высокой договаривающейся стороны позволяет осуществить только частичную репарацию, Суд, в случае необходимости, может присудить справедливое удовлетворение пострадавшей стороне».

A. Материальный ущерб

232. Под данным заголовком Заявительница требует 18710 евро в качестве компенсации.

233. Заявительница утверждает, что в результате нападения на село были уничтожены ее дом и семейный автомобиль. Она заявляет, что стоимость автомобиля была 11 000 евро, а дом и имущество стоили 1500 евро.

234. Под тем же заголовком Заявительница требует компенсации потери дохода ее покойного сына, Зелимхана Исаева. Она заявила, что в качестве автомеханика он зарабатывал около 100 евро в месяц. Заявительница, 1954 г. р., по Российскому законодательству выходит на пенсию в 2009 году. Принимая во внимание то, что средняя продолжительность жизни женщин в России составляет 70 лет, заявительница предполагает, что она могла бы быть финансово зависимой от своего сына в течение около 15 лет. Его заработок в течение этого времени, принимая во внимание 15% инфляцию в России, составил бы 20 700 евро. Заявительница

могла рассчитывать в среднем на 30% этой суммы, которая бы составила 6 210 евро.

235. Правительство считает, что сумма, на которую она претендует, завышена.

236. Суд напоминает, что должна быть четкая причинная связь между ущербом, который указывает Заявительница, и нарушением Конвенции и что это может, в соответствующем случае, включать компенсацию потерянных заработков (см., среди прочего, Чакичи против Турции [GC], 23657/94, § 127, ECHR 1999-IV). Принимая во внимание его выводы относительно выполнения требований статьи 2 Конвенции, безусловно, существует прямая причинная связь между нарушением статьи 2 в отношении сына Заявительницей и утраты Заявительницей финансовой поддержки, которую он мог бы ей обеспечить. Суд отмечает, что Правительство детально не оспорило суммы претензий Заявительницы, сделав общее заявление о том, что претензии «преувеличены». Принимая во внимание сообщения Заявительницы и дополнительные материалы, в которых детально излагаются ее претензии, Суд присудил Заявителю 18 710 евро в качестве компенсации материального ущерба плюс любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы.

В. Нематериальный ущерб

237. Заявительница потеряла своего сына и трех племянниц, все они были очень молодыми людьми. Сама она была ранена. Она была глубоко шокирована нападением. Она обратилась к Суду с просьбой о присуждении ей 25 000 евро в качестве компенсации за нематериальный ущерб.

238. Правительство считает, что претензия завышена.

239. Суд считает необходимым присудить компенсацию нематериального ущерба, принимая во внимание серьезность нарушений, которые он обнаружил относительно статей 2 и 13 Конвенции.

240. Суд присудил Заявительнице компенсацию нематериального ущерба в 25 000 евро плюс любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы.

В. Затраты и расходы

241. Заявитель требует 10 760 евро и 1 500 фунтов стерлингов в качестве компенсации за расходы, понесенные в связи с подачей данной жалобы. Сюда включены 1500 фунтов за работу лондонских юристов из Европейского центра защиты прав человека; 5 050 евро за работу московских юристов из правозащитной организации «Мемориал» и 5 210 евро за работу специалистов по правам человека на местах в Москве и на Северном Кавказе, а также за другие расходы.

242. В дополнение заявитель потребовала 2 608 фунтов стерлингов компенсации за различные платежи и расходы, связанные с подготовкой и проведением слушаний по существу дела. Сюда включены 2 300 фунтов стерлингов за работу лондонских юристов из Европейского центра защиты прав человека и 308 фунтов стерлингов за работу московского юриста.

243. Правительство никак не прокомментировало сумму или обоснованность претензий в этом параграфе.

244. Суд отметил, что только легальные расходы и затраты, которые были понесены фактически и по необходимости, и которые являются разумными в количественном отношении, подлежат компенсации согласно статьи 41 Конвенции. Он отметил, что это дело связано со сложными вопросами фактов и законодательства и привело к появлению двух наборов письменных наблюдений и противоречивых слушаний. Однако он считает чрезмерной общую сумму, которую Заявительница называет в качестве своих легальных затрат и расходов и считает, что не приведено никаких доказательств того, что некоторые из них были необходимыми и разумными. В частности, Суд считает чрезмерным объем юридической работы, которая по заявлению Заявительницы была проведена в процессе подготовки к слушанию, в свете объемной письменной информации, которая уже была подана сторонами.

245. При таких обстоятельствах Суд не может присудить всю требуемую сумму; принимая решение на справедливой основе и принимая во внимание детали претензий, поданных Заявительницей, он присуждает сумму в 12,000 евро, меньше на 1,074 евро, полученных в форме юридической помощи от Совета Европы, вместе с НДС, в случае его применения.

С. Пеня за невыполнение обязательств

246. Пеня за невыполнение обязательств. Суд считает, что пеня за невыполнение обязательств должна рассчитываться исходя из граничной ставки кредитования Европейского центрального банка, к которой прибавляются три процента.

НА ОСНОВАНИИ УКАЗАННЫХ ПРИЧИН СУД

1. *Отклоняет* единогласно предварительное возражение Правительства;
2. *Решает* единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции относительно обязательств страны-ответчика защищать право на жизнь Заявительницы, ее сына и трех племянниц;
3. *Решает* единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в смысле не проведения результативного расследования;
4. *Решает* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции;
5. *Решает* единогласно
 - (a) что страна-ответчик должна выплатить Заявительнице, в течение трех месяцев со дня, когда решение становится окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, конвертированные в Российские рубли по курсу, который существует на день расчета:
 - (i) 18 710 евро (восемнадцать тысяч семьсот десять евро) за нанесенный материальный ущерб;
 - (ii) 25 000 евро (двадцать пять тысяч евро) за нанесенный моральный ущерб;
 - (iii) 10 926 евро (десять тысяч девятьсот двадцать шесть евро) в качестве компенсации затрат и расходов;
 - (iv) любые налоги, которыми могут облагаться эти суммы;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента расчета на вышеуказанные суммы будет начисляться простой процент по ставке, равной граничной ставке

кредитования Европейского центрального банка в течение периода неуплаты плюс три процента.

Выполнено на английском языке и уведомлено в письменной форме 24 февраля 2005 г. согласно правилу 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
секретарь

Христос Розакис
председатель